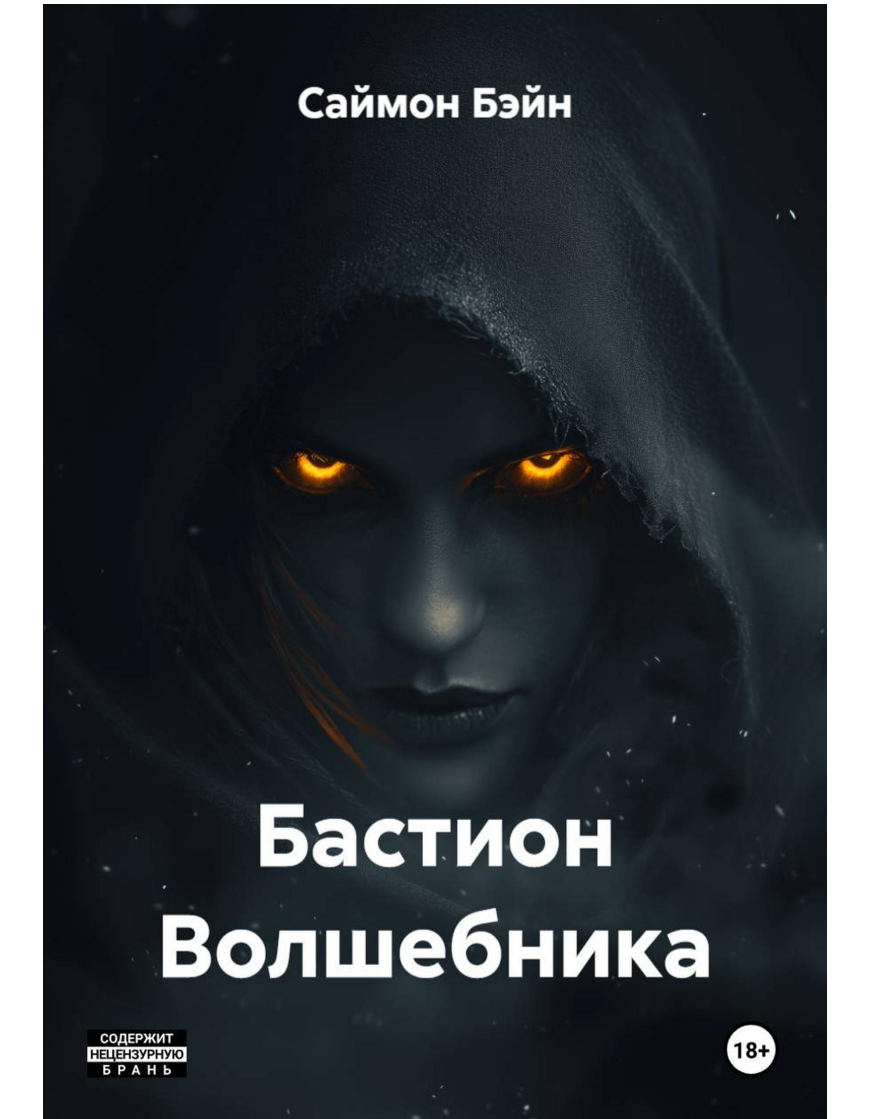

Саймон Бэйн

Бастион Волшебника

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саймон Бэйн

Бастион Волшебника

<https://litres.ru/74391517>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они называют это Игрой. Каждое столетие они собираются в месте Силы, чтобы решить судьбу мира. Но теперь все будет иначе. Прошло тысячелетие. И пришло время для Бастиона Волшебника, ибо Те, Кто Смотрят, хотят, чтобы остался лишь один победитель

Содержание

Посвящается Роджеру Желязны	4
Пролог	5
1 октября	8
2 октября	16
3 октября	30
4 октября	41
5 октября	55
6 октября	76
7 октября	81
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Саймон Бэйн

Бастион Волшебника

Посвящается Роджеру Желязны

Пролог

– Сколько ты уже у меня служишь?

Я поднял глаза и посмотрел на нее. Очертания ее фигуры сливались с темной мантией, ниспадающей с ее округлых плеч до самого пола. Мне не нужно было видеть, что именно она делает. Это получалось само собой. Так было всегда, если мы должны были куда-то уехать. А переезжали мы часто и не всегда благополучно. Когда живешь веками, понимаешь, что иногда лучше не знать ответов, поскольку твои вопросы уходят корнями в бесконечность, и ответов на них попросту нет.

– Давно, – ответил я.

– Тогда ты знаешь, что мы не можем позволить себе отдых.

– Если честно, я надеялся на отпуск. Хотя бы небольшой.

– Надеюсь, ты шутишь. Какой отпуск? Время приближается.

– Да, приближается. Поэтому я и хочу отдохнуть.

Она шумно вздохнула. Ее голубые глаза излучали смесь удивления и насмешку одновременно.

– Нет, я думаю, ты просто шутишь. И набрался наглости сказать мне об этом прямо сейчас.

– Лучшего времени не представится, – улыбнулся я.

– Однажды я тебя накажу, – она погрозила мне пальцем.

– Нет, не наказите.

– Это еще почему? – она надула губки, уставившись на меня, словно обиженная маленькая девочка, которой только что сказали – подарков не будет.

– Без меня вам не обойтись.

Я услышал, как громко стукнула ее ладонь о крышку стола. Кажется, она была в гневе. Это было забавно. Стоять и смотреть, как она злится. Точно безумная фурия античного мира, прекрасная в своей ярости и абсолютно не знающая, что с этим делать.

– Да чтоб тебя, – вырвалось у нее. – Ты это нарочно так сказал?

– Нет, – я покачал головой. – Ведь это правда.

Она обошла стол и остановилась возле окна. Дневной свет четко обрисовывал контуры ее фигуры, плавные линии бедер, переходивших в складки мантии, которую она носила почти всегда, если не была на людях. Я не спрашивал, почему. Мне никогда не было суждено понять этого. Да и зачем? Она каждый раз поворачивалась ко мне боком, если стояла у окна. Словно знала, что мне нравится смотреть на нее.

– Дурак ты, – неожиданно тихим голосом сказала она.

– Да, ваша светлость. Я это знаю.

Она помолчала. Потом повернулась и снова посмотрела на меня.

– Но ты прав, – произнесла она, глядя мне в глаза. – И, черт бы тебя побрал, прав всегда.

Я пожал плечами.

— Когда вы говорите, что мы уезжаем, значит, мы опять ищем что-то, что нужно для Игры. Если вы говорите, что я прав, дела обстоят еще хуже.

— С чего ты взял?

— Мы не готовы к Игре. Как обычно.

— А разве бывают те, кто готов?

— Спросите у наших противников.

Она не ответила.

Впрочем, так было всегда, коль речь заходила о силах, способных противостоять нам; силах, чье могущество было неизвестным до той самой ночи, когда состоится Игра. Великая Игра, в которой победитель получит все, а проигравший обречет себя на столь ужасную участь, о которой лучше не думать. Никогда и никому.

Но не думать мы не можем. Ведь мы участники Игры. Ее светлость, Шарлотта Мерсье, урожденная маркиза де Биар, потомственная ведьма в седьмом поколении, и я. Хранитель Игрока. Тот, кого она однажды спасла и никогда не накажет, потому что никого больше не будет рядом, в ту самую ночь. Ведь если мы проиграем, этот мир умрет.

1 октября

В аэропорту Орли было ветрено. Осенние тучи, низко склонившиеся к крышам, предвещали дождь. Говорят, что в Париже очень хорошо весной, но парижскую весну я помнил смутно, да и не бывает у меня времени все запоминать. Когда летаешь по миру с таким багажом, как у нас, появляются совсем иные заботы.

Чтобы добраться до Френа, нужно пересечь шоссе Дю Солей, и мы взяли напрокат автомобиль. Пока я перетаскивал коробки и чемоданы, Шарлотта быстренько оформила все необходимые документы. Она вышла из офиса, с улыбкой отвечая на явные заигрывания менеджера. Бедолага, явно не знающий с кем он имеет дело, полагал, что сможет уговорить ее выпить с ним кофе с намеком на продолжение. Меня он видел, но словно бы не замечал. И это неудивительно. Мужик, одетый в косуху, гораздо старше сорока, таскающий чемоданы. Кто я для него? Охранник, водитель, возможно, любовник молодой привлекательной женщины, хорошо одетой и имеющей приличный доход, что подтверждается ее банковской картой. Иными словами, выходец из низов общества. О нас он не знает абсолютно ничего. Что делает его способным к выводам, близкой к нулю.

Они остановились возле выезда с парковки, все еще о чем-то беседуя. Однако по лицу менеджера я понял, что его по-

пытки обольстить Шарлотту успеха не имели. Когда она захочет, она может вылить на любого мужчину ушат ледяной воды, да так, что он останется стоять на месте, проклиная все на свете, и думать, какое же он ничтожество. Через пару минут менеджер удалился. И Шарлотта вернулась к автомобилю.

– Не срослось? – усмехнулся я, запихивая в багажник последний чемодан.

Она устремила на меня гневный взгляд.

– Кто бы говорил.

– Имею право на свое мнение.

– Конечно, имеешь, – она протянула руку. – Давай ключи.

– Может, лучше я поведу?

– Ни черта подобного. Это «Ауди» А8, я за рулем.

Я пожал плечами, достал ключи и отдал ей. Шарлотта открыла дверцу и подмигнула мне.

– Пристегнись. Прокатимся с ветерком.

Контора по аренде загородной недвижимости располагалась во Френе, на Боливар-Пастер. Там тоже был менеджер, но уже женщина. Лет тридцати, в твидовом костюме с внешностью модели пластической хирургии. Все что она могла подтянуть на лице, она подтянула. Из-за этого кончик ее носа напоминал мне заостренный клюв орла.

– Итак, есть парочка неплохих вариантов возле Вильжю, – сказала она. – Рядом Буа-де-Гейярд, лесной массив, чистый воздух. Есть магазины и несколько кафе.

Шарлотта покачала головой.

– Нет, нас интересует только район Боннеля.

Наша собеседница несколько мгновений молчала, затем кивнула.

– Возможно, вам подойдут несколько домов южнее Ле Пети Кло, – произнесла она, бросив взгляд на меня, видимо, прикидывая в уме, кем же я могу являться столь эффектной даме при деньгах.

– Можно взглянуть, где это на карте? – попросила Шарлотта.

Менеджер без возражений развернула к ней стоявший на столе ноутбук.

Мы смотрели на экран, понимая, что, скорее всего, там это и произойдет. Обычно, на то, чтобы определить место Игры, нужно гадание, и не одно, и насколько я помнил расклады Таро, которые делала Шарлотта до нашего отъезда, место почти что подходило. Вокруг было достаточно много старых особняков, на содержание коих у владельцев не хватало средств, вот они и сдавались по сезону. Плюс, старая ферма, большой лесной массив, много холмов. К холмам мы привыкли. Часто на холмах все и происходило.

– Соседи? – глаза Шарлотты тяжелым и пристальным взором уставились на менеджера.

Она немного смутилась. Не все способны выдержать хитроватый взгляд Шарлотты, особенно, когда она в процессе раздумий.

– Там всего пятнадцать домов, – произнесла менеджер, чуть пряча глаза. – Восемь уже сданы в аренду.

Шарлотта повернула голову, и мы переглянулись. Вот оно, значит как. Восемь соседей. Мы девятые. По идее, все сходится. Девять Игроков. Каждый со своим Хранителем. Очевидно, что не только мы искали место, где все и будет.

– Подойдет, – быстро сказала Шарлотта и достала целую пачку банковских карт.

Глаза менеджера блеснули. На людей всегда действуют две вещи: деньги или кредитные карточки. Сколько живу, каждый раз убеждаюсь, что ничего не изменилось.

– Какой срок аренды?

– Месяц.

Ле Пети Кло это почти что настоящая французская провинция. Холмы, лес, крыши домов, мелькающие сквозь деревья и осенняя листва, устилающая дорогу. Шарлотта остановила машину возле ворот, сколоченных из жердей, и вышла, оглядевшись вокруг. Я не спешил. В мои обязанности Хранителя входит то, что обычные люди называют охраной, но здесь, собственно, был полный порядок. Насколько я мог видеть, местность вокруг была практически открытая, однако, забор и часть дома, увитого плющом, представляли собой не совсем хорошее место для обороны. Правила не запрещают устранять Игроков до начала Игры, хотя такое встречалось редко, но события двухвековой давности, опровергали любые теории. И, если кто-то попытается напасть на нас,

чтобы убрать Шарлотту до той самой ночи, мне придется заняться этой проблемой.

Она повернулась ко мне и спросила:

– Ну? Что скажешь?

Я тоже вышел из машины.

Домовладения располагались несколько хаотично. Часть была огорожена обычным плетнем, часть скрывалась за бокажем¹, и были видны лишь черепичные крыши строений. Наш дом был чуть выше двух соседних, на первый взгляд, это казалось удобным, лучше обзор. Но я-то рассуждал, как военный, а вот Шарлотта, видимо, была не совсем довольна.

– В глаза бросается, – сказала она. – Сразу как с дороги съезжаешь.

– Зато видно все.

– Но мы заметны.

– И что?

– Мне это не нравится.

– Мы же здесь на месяц. Не больше.

Она шумно вздохнула, сверля меня своими голубыми глазами. Терпеть не могу, когда она так на меня смотрит. Словно акула, неподвижный взгляд, пустой и стеклянный.

– За этот месяц много что может произойти.

– Если вы о других Игроках, ваша светлость, то да, тут вы

¹ Тип культурного ландшафта, где пастбища, поля и луга отделены друг от друга и окружены земляными насыпями, увенчанными живой изгородью, рядами деревьев, лесопосадками или полеском.

правы. Если вы обо мне, то сильно ошибаетесь.

– Да, черт, ты же знаешь, о чем я.

– Знаю, – кивнул я. – Но вы все равно ошибаетесь.

Она фыркнула, будто пытаясь сказать, ну ты и фрукт, и пошла в дом.

Тяжелая дубовая дверь, обитая железом, вероятно, сохранилась еще с прошлого века, когда было модно иметь такие вот двери. Три этажа и чердак. Классическая схема особняка конца XIX-го века. Большие окна, вытянутые и со ставнями, деревянные лестницы, одна вела наверх, другая вниз, в подвал. Мебель, преимущественно, старинная, покрытая лаком, не выветрившимся до сих пор. Шарлотта обожала такие дома. Правда, ее немного расстроило, что кухня уже была оборудована газовой плитой, вытяжкой и холодильником. Там же находилась и микроволновая печь. Но меня как раз все устраивало. Не хотелось снова, как раньше, таскать дрова и топить печь. Хотя, с другой стороны, в гостиной обнаружился камин. Так что вопрос с дровами, чтоб им пусто было, все равно упадет на мои плечи.

– Пора распаковываться, – сказала Шарлотта, подходя к окну. – Ты только взгляни на этот сад!

Я встал рядом. Да, сад имелся и большой. Покрытый пожелтой листвой и окутанный зябкой морозью осенней влаги, висевшей в воздухе. Густые кусты омелы наводили на определенные размышления, но я заметил, что изгородь закрывает большую часть заднего двора, и это мне не понрави-

лось. Любой, кто мог спокойно обойти дом с другой стороны, был способен так же спокойно влезть во двор. Придется и этим заняться.

Шарлотта повернулась, многозначительно посмотрела на меня и спросила:

– Ты в курсе, что уже половина второго?

– В курсе, – сказал я и глянул на плиту, где было полно пыли. – Но я не чародей, чтобы приготовить обед так быстро.

– Путешествие будит во мне аппетит, – возразила она.

– Знаю. Но мне еще таскать чемоданы.

Она нахмурилась, но как-то слишком уж театрально. Так было заведено, что готовлю по большей части я. Конечно, кто-нибудь сразу вспомнит старую шутку о том, будто все ведьмы абсолютно не умеют варить суп, если только из костей. Шарлотта, правда, плохо умела даже это. Поэтому за провизию и все остальное отвечал я. Но она все еще смотрела на меня, и пришлось ответить:

– Хорошо, ваша светлость. Позвольте старому ландскнехту принести в дом ваши пожитки, и он займется вашим обедом.

Она улыбнулась.

– Умный мальчик. Я пока проверю, что там наверху.

Шарлотта направилась к лестнице, а я остался стоять возле окна кухни, наблюдая, как она поднимается по деревянным ступеням, покачивая бедрами в такт своему движению. Ну, что ж, октябрь начался. И пора было приниматься за ра-

боту...

2 октября

С утра было все так же ветрено. Я перенес в дом все чемоданы и коробки, приготовил омлет с ветчиной, сварил кофе и заодно проверил, насколько надежны замки на двери. Шарлотта спала всю ночь, как убитая. С ней такое бывает. Не знаю, как там собирают силы те, кто занят магией, но готов поспорить, что именно так.

Часы в гостиной встали, пришлось их заводить. Тяжелые гири маятника чуть проржавели, неохотно уступая моим усилиям, но в этой маленькой схватке я вышел победителем. И гулкий перезвон ровно в девять возвестил, что пора отправляться наверх. Очистив поднос, я поставил на него тарелку с завтраком, чашку еще дымящегося кофе, сахарницу и маленький чайник с топлеными сливками. Шарлотта крайне редко просыпалась раньше девяти, за три века, что я был ее Хранителем, я сам помнил всего-то два таких инцидента. И то это была необходимость быстро уносить ноги, иначе бы хоть из пушек пали, но Шарлотта де Биар не стала бы и ногтем шевелить, пока не вернется из объятий Морфея. Стараясь не скрипеть половицами на деревянной лестнице, я понес завтрак на второй этаж. Она выбрала угловую комнату, хотя, на мой взгляд, такое решение было рискованным. Единственное окно, выходившее в сад, было над массивным витком плюща, распластавшегося на стене, и у меня

были подозрения, что случись какая оказия, любой смог бы забраться наверх, дотянувшись до окна. Но кто я такой, чтобы ей указывать? За три века она ни разу не прислушалась к тому, что я говорил, кроме лишь одного случая, но тогда у нее не было выбора.

Стучать в дверь, когда держишь в руках поднос, уставленный едой, тот еще трюк. Особенно, когда пытаешься ничего не уронить. После третьего удара, словно под напором ветра, дверь распахнулась. Проклятье, ненавижу, когда она так делает. Обычно до ночи, когда состоится Игра, все участники берегут силы, поскольку всю полноту власти над реальностью они получают лишь в ту самую ночь. Но, это, же Шарлотта. Она по-другому не может. И если хочет показать, что еще способна сотворить, хотя бы малую толику заклинания, она это непременно сделает.

Я вошел. Шарлотта лежала под большим пушистым одеялом, которое постоянно возила собой. Еще прошлым вечером я умаялся, распаковывая багаж, и третью сотню лет поражался, сколько всего необходимо женщине, тем более в дороге. И это не считая всего колдовского имущества, что она тоже возила собой. Да еще мое снаряжение.

Я снова подумал об отпуске.

Шарлотта выгнула спину, потягиваясь, словно тигрица, и села в кровати. Ночная шелковая сорочка, вздымавшая два холма груди, отливала серебром в свете торшера в углу комнаты. Густые волосы были растрепаны, но голубые глаза уже

сверкали ясным пробуждением ото сна. Она зевнула, глянула на поднос и улыбнулась.

— Как дела снаружи?

Я поставил поднос перед ней и пожал плечами.

— Будет дождь.

— Уверен? — она скептически подняла бровь, принимаясь за еду.

— На дворе октябрь. А мы во Франции. Конечно, уверен.

— Ладно. Как наши соседи? Видел кого-нибудь ночью?

— Нет.

Изящным движением она срезала кусок омлета и отправила себе в рот. Есть всего две вещи, на которые я могу смотреть целую вечность. Как она двигается, и как ест.

— Нужно все разведать, — вилка описала полукруг и уставилась в направлении окна. — Мы не можем полагаться просто на случай. Нам следует знать все, что можно, о других Игроках.

— Разве когда-нибудь было иначе?

— В этот раз все будет по другому, — сказала Шарлотта, добавляя себе в кофе сливки. — Я это чувствую.

— Десять лет назад, ваша светлость, вы тоже что-то чувствовали в Гватемале, — напомнил я. — В итоге, мы не нашли тот редкий артефакт, зато приобрели кучу врагов среди местных наркоманов и были вынуждены спешно сматывать удочки.

Она посмотрела на меня.

– Ты говоришь мне об этом каждый год. Ведь все же благополучно закончилось.

Да, благополучно, подумалось мне. Только, смотря для кого. Правда, в этот благополучный исход не входило восемнадцать трупов дилеров, продававших кокаин, которых пришлось убрать с дороги, чтобы покинуть гостеприимный лес Гватемалы. Но об этом я ничего не сказал. Шарлотта и так знает, что я сделал, чтобы вытащить ее оттуда.

– Время еще не пришло. Ближе к концу месяца все станет ясно, – сказала она, допивая кофе. – Когда соберутся все девять Игроков. И мы ощутим, что Сила растет.

– А что может быть неясного? – спросил я. – Мы три сотни лет играем за хороших ребят. Против нас будут все плохие.

– Ты же знаешь, что все не так просто.

– И что?

Она улыбнулась, всем своим видом демонстрируя, что обладает большими познаниями, чем я.

– Никто никогда не знает наверняка, кто будет Открывающим портал, а кто Закрывающим.

– Вы славитесь своим умением гадать, ваша светлость, – пришлось возразить мне. – Неужели, это так сложно?

– Сложнее, чем ты думаешь.

Я усмехнулся. Да, конечно, обычно, когда дело касалось применения Силы, признаюсь, тут я полный неумеха. Все возможные способы магии мне не шибко знакомы, ведь я всегда был только солдатом. Еще с юных лет, когда и пушок

на губах у меня не рос, я предпочитал иметь честного врага и честный меч, который в этого врага можно всадить. И никогда не понимал всех ритуалов и церемоний, проводимых Игроками. Но я был Хранителем уже триста лет. И еще не за-был, как мы шарили на кладбищах, в поисках необходимых вещей для магических обрядов. А теперь у нас есть интернет. И даже, пропади она пропадом, Википедия. Столько всего прошло попусту когда-то. И сколько труда пропало зря. И мы все так же ищем тех, кто встанет с нами и против нас в ту ночь, когда состоится Игра. Похоже, правы были философы, когда говорили, что время – змея, что кусает себя за хвост.

– Ну, раз карты не идут, будем вынюхивать по старинке, – сказал я.

Она кивнула.

– У тебя, кстати, это неплохо получается.

– Три столетия практики, ваша светлость, – улыбнулся я.
– Даже дурак бы научился.

Глаза Шарлотты сузились, словно зрачки рептилии. Она с неким невысказанным подозрением посмотрела на меня, видимо, пытаясь понять, пошутил я или нет. И не имеет ли мой сарказм какое-то отношение к ее персоне.

– А что там с нашим багажом? – вдруг спросила она.

– А что с ним может быть не так? – я постарался сделать искренне удивленное лицо.

– Мои принадлежности для ритуалов не пропали?

– С чего бы им пропадать?

Она нахмурилась, потом внезапно улыбнулась. В этом вся Шарлотта. Сперва может окатить тебя ледяной водой, потом посадить на огонь. Иногда я спрашиваю себя, что я делаю рядом с ней вот уже три века? И каждый раз понимаю, что черта лысого когда-нибудь найду ответ на этот вопрос.

Оставив Шарлотту заниматься вопросами своего внешнего вида, я спустился вниз.

Проверив дверь, ведущую в сад, я вернулся на кухню. За окном немного потемнело, надвинулись тучи. Первые капли дождя забарабанили по стеклу. Я вытащил свой чемодан и открыл. Наступала пора заняться своими обязанностями Хранителя. Обеспечить периметр, поставить ловушки, проверить, не приходил ли кто ночью. Обычная рутина. За триста лет привыкаешь. Первые дни октября можно не слишком суесться, хотя бдительность никогда не бывает излишней. Игроки еще слишком слабы, чтобы начать активно действовать. Они начнут только ближе к концу месяца, а всю их мощь, настоящую силу, можно будет увидеть лишь в самую ночь Игры, а пока мы работаем без спешки.

В чемодане лежали только мои вещи. Даже, не вещи, это я неверно выразился. Инструменты. Поскольку я ничего не смыслю в магии, я пользуюсь тем, что мне более всего знакомо. Оружие. Атрибут истинного солдата.

Я вытащил из чемодана кольт M1911, старенький потрепанный временем, но надежный и безотказный. Пулю 45-го калибра, выпущенную из него, сложно остановить маги-

ческим заклинанием. Во всяком случае, пока. Пристегнув к бедру кобуру, я сунул в нее пистолет. Затем последовала штурмовая винтовка М4А1. В отдельной секции чемодана лежали шесть запасных магазинов к ней и еще пять магазинов к кольту. Под винтовкой лежал бронежилет. А на самом дне, завернутая в промасленный лоскут ткани, находилась подлинная гордость настоящего воина. Я не стал трогать это оружие, хотя точно знал, что именно оно и будет моим подспорьем в ночь Игры. Потому что только такое оружие и могло получить часть силы, что имеет при себе мой Игрок.

Отложив в сторону бронежилет и винтовку, я вышел в сад.

Противный мелкий дождик, похожий на зыбкую рябь, был весьма неприятным спутником, пока я обходил дом со стороны двора. Изгородь была не новой, но на вид вполне себе крепкой. Я осмотрел ее и решил, что уже к вечеру поставлю две ловушки именно здесь. Отсюда открывался проход во двор, и требовалось закрыть этот путь.

Другой проблемой являлся плющ, росший почти до самого окна Шарлотты. Справа стену почти полностью закрывали густые кусты омелы. Слева терновник, разросшийся до такой степени, что в скором времени, он грозил перекинуться во двор. Соскребать плющ с каменной кладки было делом весьма неблагодарным, тем более что это могло бы вызвать и ненужное внимание соседей. Поэтому я решил, что просто сделаю в этом месте еще две ловушки. Так было намного проще, чем пытаться убедить Шарлотту сменить свою

спальню.

Я прошел до самого конца изгороди, когда уловил какое-то движение сбоку. Гостей мы не ждали, и триста лет привычки реагировать на любые угрозы, сделали свое дело. Я резко рванул кольт из кобуры и развернулся, нацелив пистолет в том направлении. Передо мной, метрах в десяти, стоял высокий мужчина в джинсовой жилетке, с длинными темными волосами и бородой. Он чуть отшатнулся и примирительно поднял руки.

– Эй, эй, полегче, Алекс, – сказал он. – Я просто прогуливался мимо.

Я скользнул взглядом по его рукам, заполненным татуировками, да и лицо его показалось мне очень знакомым. Правда, память, как всегда, давала сбой и не хотела сходу включаться в работу.

– Ты... Волк, вроде, да? – неуверенным голосом спросил я, опуская пистолет.

Мужчина кивнул.

– Он самый. Я Хранитель Эстеллы. Помнишь?

– Если честно, то смутно, – признался я. – Вы с ней тоже приехали сюда?

– Приехали. Знаешь, я все чаще подумываю о том, чтобы выйти из Игры.

Я покачал головой.

– Из нее невозможно выйти. Многие пытались. Но в живых уже никого нет.

Он вздохнул, с непередаваемой грустью посмотрел на меня и вытащил пачку сигарет.

– Покурим? Есть, что обсудить.

– Почему бы нет? – пожал я плечами. – Правилами не возбраняется.

Он усмехнулся.

– И то верно.

Я убрал оружие обратно в кобуру и подошел ближе. Опасаться было нечего. Сегодня еще только 2-е октября, вся свистопляска начнется позже. Он протянул мне сигарету, закурил сам и снова вздохнул, точно нес груз тяжких забот с самого детства. Может, так оно и было, я не знал. Среди Хранителей нет традиции, влезать кому-то в душу и пытаться стать лучшим другом. Ведь сейчас мы стоим и мирно беседуем, а уже через три недели можем убить друг друга. Такое бывало. Я видел.

– Вы уже нашли, где это случиться? – спросил он, чуть щурясь от сигаретного дыма.

– Нет, а вы?

– Тоже. Моя бесится. Говорит, что мы опоздали.

– Опоздали к чему?

– Не знаю. Она говорит, много силы уже забрали другие.

– Ничего еще толком не началось. С чего бы кому то забирать силу?

Он покачал головой.

– Еще не все прибыли.

– Думаешь, тут кто-то прячется, чтобы ударить в самый последний момент?

– А такое бывало? – он пристально глянул на меня.

– При мне нет.

– Честно?

– Честно. Спроси у Седрика, он Хранитель Бриджит, старше меня на двести лет. Может, он видел больше.

– Бриджит, кстати, уже здесь.

– Где?

Волк чуть повернулся и указал пальцем на небольшой коттедж у самой границы бокажа, слева от нас.

– И Хельга тоже, – добавил он, но теперь указал на дом справа, за полеском.

Я молчал. Бриджит, Эстелла, Хельга и моя Шарлотта. Четверо. Значит, ожидаем еще пятерых. Так бывало и раньше, что кто-то мог припоздниться и оказаться на месте едва ли не перед самой ночью Игры. Я слышал, что так делали те, кто опасался, что его устроят еще до той самой ночи. Или же не были уверены на все сто в своих Хранителях, ведь именно мы защищаем Игроков, пока они, словно беспомощные дети, не выбрались из песочницы, до самого дня Игры.

– И что думаешь? – спросил я.

Он затянулся и выдохнул облачко табачного дыма.

– Не знаю. Просто не думал, что моя дурочка решит поучаствовать.

Я усмехнулся.

– Их всех манит Сила. Без нее они ничто, просто обычные женщины, которые состарятся и умрут.

– Твоя так и говорит?

– Иногда.

– А моя почти свихнулась. Хочет спасти мир.

– Значит, она Закрывающая портал?

– Да черт ее знает. Мне кажется, она и сама не определилась, с кем быть.

– Закрывающие еще не проиграли ни одной Игры.

– С чего ты взял?

Это был глупый вопрос, но я сделал вид, что не понял этого и ответил:

– Мир все еще жив.

Он отбросил окурок и затоптал его каблуком.

– Ставлю десять к одному, что так оно и будет.

– В ближайшие три недели точно. А там поглядим, – уклончиво сказал я. – Не люблю делать прогнозов.

– Я тоже. Но чувство какое-то нехорошее.

– Шарлотта сказала тоже самое. Есть у нее предчувствие, что на этот раз все будет по-другому.

– И ты ей веришь?

– Не особо. В Гватемале ее чутье нам не помогло. И в Африке тоже.

– Но раз ты здесь, значит, выбраться вы смогли.

– Смогли, – кивнул я и похлопал ладонью по кобуре. – Благодаря вот этому.

Волк усмехнулся.

– Предпочитаю дробовик.

– Каждому свое.

Он помолчал, потом протянул мне руку.

– Ладно, Алекс, пойду. Моя злиться будет, если долго отсутствую. Еще увидимся.

Мы обменялись рукопожатием, и он удалился. Я проследил за тем, как он перелез через изгородь, и подумал, что надо поставить здесь еще одну ловушку. Нет, Волка я не опасался, он был хорошим человеком, и правила Игры ни разу не нарушил. Но черт меня дери, не люблю гостей, которых никто не приглашал, особенно, если они лезут через забор, так и не постучав в дверь.

Когда я вернулся в дом, Шарлотта уже была на кухне. Одетая в джинсы и черную водолазку, она босиком стояла на деревянных досках пола и что-то разглядывала в чайнике. Услышав мои шаги, она обернулась.

– У нас были гости?

Она что-то сделала со своими волосами, и теперь они легким прозрачным облаком окутывали ее голову и ниспадали с плеч. Как она это делала, я не имел ни малейшего понятия. Еще недавно я видел ее растрепанную и в сорочке, а теперь она благоухает, как *encyclia cordigera*². Одним словом, ведьма. Я сел на стул и налил себе чай.

² Сорт дикорастущей орхидеи, обладающий особым терпким ванильно-пряным ароматом.

– Да, Волк заходил.

– Кто это? – она приподняла бровь, давая понять, что не знает его и требует разъяснений.

– Хранитель Эстеллы, – ответил я. – Зашел выказать нам свое уважение.

– Зачем? Какой мне прок от его уважения?

Я пожал плечами и сделал вид, что недоумеваю.

– Он сам так считает.

– Что он считает, несущественно. Но, получается, ты говорил с ним.

– Говорил.

– И что он сказал?

– Что Эстелла спятила и хочет спасти мир.

Глаза Шарлотты вмиг обрели странное выражение. Она буквально впилась в меня взглядом.

– Он так и сказал?

– Не совсем. Похоже, Эстелла сама не знает, с кем будет в ночь Игры.

– Черт, – она шумно вздохнула. – Я думала, что на нее можно будет рассчитывать.

– Помнится, в прошлый раз, Закрывающий был вообще один. Не стоит полагаться еще на кого-то, ваша светлость.

Лицо Шарлотты побледнело и напряглось.

– Да, я тоже помню. И еще помню, как меня чуть не убили в ту ночь. Восемь Игроков на одного. Не слишком-то хороший расклад.

Я усмехнулся и не удержался, чтобы не поддеть ее.

— Кто-то говорил, что имеет чутье, и теперь все будет по-другому, — сказал я, поднеся чашку к губам и пряча в чае свою усмешку.

Она воззрилась на меня, словно львица.

— Надеюсь, твой меч так же остер, как и твой язык.

Я чувствовал, что она боится, хотя и старается не подавать вида. Ведьмам тоже присущ страх, даже тем, кто выиграл прошлый раз и обладает Силой. Верят они своему предчувствию, или собственные видения даются им, чтобы они помнили, кто они есть на самом деле, не знает никто. И кому, как ни нам, Хранителям, оберегать их до той поры, пока Сила не покажет себя.

— Мой меч, это моя забота, ваша светлость, — сказал я. — А вам бы пора заняться своими делами.

Она несколько мгновений смотрела на меня, потом резко хлопнула ладонью по крышке стола. И вышла из кухни.

Вот так это и длится. Уже три столетия.

Она раздувает пламя, я же стараюсь его погасить.

3 октября

Ночь прошла спокойно. Но почти весь следующий день я был занят обустройством ловушек в тех местах, которые наметил ранее. Шарлотта углубилась в изучение своих колдовских книг, сидя на стуле возле окна кухни. Лишь раз она сделала перерыв, когда пришло время обедать.

Я сделал рагу из телятины с овощным гарниром.

– Как обстоят дела? – спросила Шарлотта, наблюдая за моими кулинарными работами.

– Нужны еще продукты, – ответил я, продолжая нарезать зелень. – И я установил ловушки по периметру. Незваных гостей быть не должно.

– Их и не будет, если остальные Игроки соблюдают правила.

– Сегодня лишь третье октября. Пока они соблюдают правила. Но все может измениться к концу месяца.

– Поэтому ты и здесь.

– Я знаю.

– Но не знаешь, откуда ждать неприятностей.

Я усмехнулся.

– Поэтому вы здесь, ваша светлость.

Она фыркнула.

– Не слишком надейся на мои гадания. Сегодня еще только третье октября. Сила начнет проявляться не раньше пят-

надцатого.

– Это я тоже знаю. Потому и хожу с оружием.

Взгляд Шарлотты, устремленный на меня, был полон сомнений.

– Есть опасности, против которых твое оружие будет бесполезно.

– До сих пор я справлялся со своими обязанностями Хранителя, – возразил я.

– Разве я выдвигаю претензии?

– Нет, но я чувствую сомнение.

– Я всегда полна сомнений перед Игрой, – сказала она и отвела взгляд. – Не волнуйся, это не из-за тебя.

Я сделал вид, что не расслышал последнюю фразу. Ни к чему доставать скелеты из шкафа и вспоминать былое. За три столетия боль притупляется, хотя шрамы не исчезают. Но все это не имеет никакого значения. Любой из нас может не пережить ночь Игры, и каждый об этом знает.

Мы закончили обед в полном молчании, и, помыв посуду, я вышел в сад покурить. На востоке собирались небольшие тучи, солнце пробивалось сквозь облака едва заметными полосами, отражаясь на мокрой листве призрачными искорками света. Дом был окружен садом, как бы полукругом, замыкаясь изгородью слева. Я подумал, что неплохо было бы расставить еще пару ловушек за изгородью, чтобы оставить сюрпризы любому, кто захочет войти без спроса. Но решил, что это лишнее. Правила Игры всегда казались мне стран-

ными. Вы можете быть кому-то из Игроков другом, любовником, даже врагом, что бывает чаще, чем можно было себе представить, но придет та самая ночь, и никто не знает, с кем придется стоять рядом, плечом к плечу, и против кого. Игроки даже могут наносить друг другу визиты, не возражаясь, но важно помнить, что нежеланный гость, да еще заявившийся без ведома другого Игрока, дает последнему право на защиту.

Про визиты я вспомнил не случайно. Один из них произошел как раз немного позже.

Ближе к вечеру я полез на чердак.

Наверное, следовало бы сделать это раньше, еще в первый же день нашего приезда сюда, но как вы понимаете, я не змей с тысячью голов, не могу успеть все и в один присест. Выйдя на лестницу третьего этажа, я оглядел пустующий коридор, вдоль которого располагались еще три комнаты, и, вытянув руку, открыл люк, ведущий под стропила.

Просто подняться было никак, пришлось воспользоваться стремянкой взятой из подвала. На чердаке царил почти что сумрак. Слуховое окошко было грязным, повсюду виднелась пыль и паутина по углам. Старый дом, старый чердак. Похорошему, здесь была нужна грандиозная по своим масштабам генеральная уборка. Я огляделся. Балки стропил были посеревшими от времени и плесени, но еще крепкие, и держали кровлю на совесть. Протексов я нигде не заметил. Половые доски настолько покрылись пылью, что казались белы-

ми. Передвигаться приходилось пригнувшись, и я подошел к окошку. Провел пальцем по стеклу, оставив пыльный след. Снаружи ничего не было видно.

Я обернулся. Видимо, на чердаке держали какую-то мебель или домашнюю утварь, на досках были заметны царапины, но теперь под слоем пыли все скрылось. И чердак был абсолютно пуст. Только голые стропила и чертова пыль. Везде.

Я спустился вниз. Медленно наступали сумерки, пора было заняться приготовлением ужина. Но как только я завернул на кухню, то услышал негромкий стук в дверь.

Вот, черт.

Я быстро выглянул в окно. На крыльце стояли две женщины, оглядываясь и изредка посматривая на окна. Они вошли через калитку, там я ловушек не ставил, во избежание разного рода эксцессов, и чтобы излишне не пугать соседей. Вдруг зайдет кто-то, кто не участвует в Игре? Могут возникнуть ненужные вопросы. Однако эти две вечерние гостьи, стоявшие на крыльце, вряд ли зашли попросить соль у соседей. Я поднялся на второй этаж, заглянул к Шарлотте и сказал:

– У нас визитеры.

Она сразу отложила книгу и поднялась с кровати.

– Кто?

– Мне почем знать?

Несколько мгновений она размышляла, потом быстрым движением накинула жакет, обулась, и поспешила вниз сле-

дом за мной.

Я открыл входную дверь.

Они стояли и смотрели на меня, словно увидели нечто опасное и не совсем желательное. Одна была молодой, с крупными, грубыми чертами лица и коротко стриженными чуть выющимися волосами. Ее спутница была выше ростом, и на вид чуть старше. Светлая, почти платиновая, блондинка, с густыми волосами, сложенными в две толстые косы, лежащие на плечах. Лицо блеклое, с тусклыми серыми глазами. Крепкие руки, явно привыкшие к оружию, сразу обратили на себя мое внимание.

Обе были одеты одинаково: джинсы и черные кожаные куртки. Словно были сестрами-близнецами.

– Добрый вечер, – хрипловатым голосом сказала та, что была ниже ростом. – Надеюсь, мы вас не побеспокоили?

Шарлотта пристально взглянула на нее.

– Нет, разумеется. Но, все зависит, зачем вы пришли.

– Меня зовут Хельга, – сказала невысокая женщина, потом кивнула на свою спутницу. – Это Брунгильда, мой Хранитель. Мы пришли нанести визит вежливости.

Я мысленно усмехнулся. Визит вежливости для ведьм означает переговоры. Прийти к другому Игроку с целью узнать, на чьей он стороне и не согласится ли поддержать тебя в ночь Игры. Знаем, уже проходили. Я немного отошел от двери, на всякий случай, положив ладонь на рукоять пистолета в кобуре, и посмотрел на Шарлотту. Да, Хранитель то

я, но решение пускать или нет, принимает сам Игрок. Таковы правила. Явись эти дамочки без спроса, последнее слово было бы уже за мной.

Шарлотта посмотрела на меня и кивнула.

Ну, что ж, раз Игрок так решил, значит, входите, гости дорогие. Бить не будем. Я отошел еще дальше, пропуская женщин в коридор. Шарлотта вежливо улыбнулась.

– Чай? – спросила она.

– Лучше что-нибудь покрепче, – ответила Хельга и посмотрела на свою спутницу. – Снаружи очень сыро.

– Значит, бренди, – снова улыбнулась Шарлотта, но теперь ее улыбка отдавала чистым лукавством.

Она провела гостей на кухню. Мне, как и этой Брунгильде, обычно, не позволялось присутствовать при разговорах Игроков, однако Шарлотта не приказывала уходить. Она выказала всю свою обходительность, которую показывала редко, и угостила Хельгу бокалом бренди. Краем глаза я глянул на Хранителя нашей гостыи. Не баба, а настоящий викинг. Только сильно грудастый.

– Вам, должно быть, любопытно, зачем мы здесь? – спросила Хельга и бросила на меня подозрительный взгляд.

– Как обычно, вы хотите обменяться информацией или предложить сделку, – ответила Шарлотта, заметила взгляд Хельги и пожала плечами. – Мой Хранитель останется. У меня от него нет секретов.

Я посмотрел на нашу гостью. Она несколько мгновений

колебалась, затем кивнула.

– Как вам угодно.

– Отлично, – Шарлотта непринужденно уселась на стул и жестом предложила Хельге сесть напротив нее. – Итак?

Хельга сделала знак своей женщине-викингу, и она сразу вышла в коридор. Я встал возле двери, за спиной Шарлотты, все еще не убирая руки с оружия.

– Мы прибыли вчера, – сказала Хельга. – И только заметили, что ваш дом занят.

Я отметил про себя, что она лжет, ведь Волк сказал мне, что она приехала раньше. Но промолчал. Хранители не вмешиваются в беседу Игроков.

Шарлотта продолжала так же лукаво улыбаться.

– С вашей стороны было весьма любезно нанести нам визит, – сказала она. – Надеюсь, наше появление было бы таким же для вас.

– Обычно, мы не пускаем гостей, – покачала головой Хельга.

– Ваше право.

– Я не стану ходить вокруг да около, – взгляд Хельги, мрачный и загадочный, уставился на Шарлотту. – Вы Открывающая портал? Или Закрывающая?

– Разве у вас есть какие-то сомнения? – в тон ей ответила вопросом на вопрос Шарлотта.

– А они должны быть? Эти сомнения?

– Я постараюсь их развеять.

– Но не скажете?

– А должна? – ехидная усмешка на губах Шарлотты говорила сама за себя. Ее не переспоришь.

Хельга пожала плечами.

– Сегодня только третье октября.

– Вот именно, – кивнула Шарлотта. – Какой же Игрок станет говорить о том, кто он? Так ведь можно выложить все козыри еще до Игры.

– Согласна, но лучше заранее расставить все приоритеты.

– Вы новичок?

– Почему вы спросили? – подозрительно нахмурилась Хельга.

Шарлотта опять расплылась в загадочно-лукавой улыбке.

– Опытные Игроки, обычно, не задают вопросы в лоб. У нас не принято говорить о некоторых вещах до того, как начнет пробуждаться Сила.

– Я знаю, но у меня свои собственные методы.

– Мой вам совет: смените их. Иначе можете и не дотянуть до ночи, когда состоится Игра.

Хельга нахмурилась еще больше. Взглянула на меня, затем снова на Шарлотту и покачала головой.

– Не думаю, что кто-то станет убивать Игрока до самой Игры.

– О, уверяю вас, такое не редкость.

– Зачем? Чем может не устраивать честный поединок?

Шарлотта засмеялась.

– Последний честный поединок Игроков был почти семьсот лет назад. С тех пор все изменилось. И, подумайте сами, если бы все хотели честной схватки, стали бы Игроки держать возле себя Хранителей?

– Это лишь традиция.

– Просто на вас еще не нападали. Если это случиться, можете мне поверить, вы быстро измените свое мнение.

– Не уверена, что до этого дойдет.

– Значит, вы все-таки, новичок, – Шарлотта наполнила бокал и протянула ей. – Но, говорят, что пережив свою первую Игру, новички быстро учатся.

– А сколько пережили вы? – хмурый взгляд Хельги скользнул по лицу Шарлотты.

– Это будет моя пятая Игра.

Я заметил на лице Хельги тень удивления, которую она отчаянно пыталась скрыть.

– Ого, уже пятая.

– Почти каждые сто лет. Вы же знаете, как это случается. Первое столетие я была всего лишь ученицей, неопытной и дурной. Но все приходит с опытом.

– Я слышала, – кивнула Хельга. – Лаура говорила о вас.

В воздухе повисла тишина.

Лаура. Бестия с черными, как смоль волосами, лицом крепостной крестьянки и амбициями настоящей королевы. Если и есть человек, в этом мире, который ненавидит Шарлотту больше, чем самого себя, то это точно она. При упомина-

нии Лауры, губы Шарлотты чуть дрогнули. Она наверняка, вспомнила их последнюю встречу, последствия которой забыть было бы просто невозможно. Мне, как свидетелю прошлой Игры, данное обстоятельство тоже хорошо было известно. Но я мог лишь молчать и слушать. Хранители не вмешиваются в дела Игроков.

– Лаура была моей подругой, – медленно, стараясь унять волнение, произнесла Шарлотта. – Но наши пути давно разошлись. Не стану вам советовать, поскольку это бесполезное занятие, но на вашем месте, я бы держалась от нее подальше.

– Я учту, – коротко сказала Хельга, допила бренди и поднялась из-за стола. – Благодарю за ваше гостеприимство.

Мы проводили их до двери, после чего я еще долго наблюдал, как они растворяются в осенних сумерках за изгородью, чтобы убедиться – они не станут оставлять сюрпризов.

– Она лжет, – сказал я, повернувшись к Шарлотте. – Волк сказал, что они приехали еще раньше.

Шарлотта посмотрела на меня и пожала плечами.

– Не имеет значения, – усталым голосом произнесла она. – Хельга одна из Открывающих портал.

– Вы уверены, ваша светлость? – спросил я.

– Это было ясно, как только она обмолвилась про Лауру.

– С чего вдруг?

– Алекс, это был не просто визит вежливости для переговоров. Это была разведка. Лаура знает, что я и близко не подпущу ее к себе.

Я задумался. В этом был смысл. Пожалуй, надо завтра заняться разведкой и мне. Посмотреть, кто уже приехал, и кого еще нам ждать.

– И она послала Хельгу? – снова спросил я.

– Да, чтобы изобразить новичка, который только решил участвовать в Игре, но это не прошло. Я не дурочка, Алекс. Немного мозгов еще осталось.

– А я поверил, что она новичок.

– Ты же только Хранитель. Игроки знают, где и когда можно соврать. Это очень просто.

– Но я не припомню, чтобы у кого-то из Игроков в Хранителях была женщина.

Шарлотта посмотрела на меня и вдруг засмеялась. Громко и беззаботно, как ребенок.

– Потому что Хельга не любит мужчин, глупенький. Она любит только женщин.

До меня, наконец, дошло. И я сплюнул.

– Тьфу ты!

Шарлотта засмеялась еще громче.

Сказать мне было нечего. Нет, не то, чтобы я был против женской любви друг с другом, мне абсолютно все равно, кто из них с кем спит, но внутренняя брезгливость осталась. Между тем, Шарлотта глянула в сторону кухни, где на столе все еще стояла початая бутылка бренди. Потом повернулась и, улыбнувшись, произнесла:

– Пора бы накрыть ужин. Что скажешь?

4 октября

На следующий день я отправился за продуктами, решив по пути еще заехать и на заправку. Утро выдалось чудесным. Легкая прохлада и солнышко, бередившее начавшие краснеть кроны деревьев. Скоро пойдет листопад.

Я проехал мимо домов наших соседей, свернул на дорогу к выезду на шоссе D132, и, прибавив скорость, отправился в город. Боннель был тихим провинциальным городком, который безжалостно пересекала федеральная трасса. Несколько магазинчиков и аптека, плюс, старая антикварная лавка, которая закрылась уже давно, и множество малоэтажных зданий. Я свернул на Рю-де-Бульон, остановился возле небольшого супермаркета и отправился за покупками. Разумеется, что кобуру от бедра я отстегнул, сунув пистолет сзади за пояс. Не хватало еще пугать добропорядочных граждан. Они ведь европейцы, чуть что, сразу звонят в полицию, а внимание стражей порядка нам совершенно ни к чему.

Собственно, именно по этой причине, все Игроки и прячутся. В обычной жизни, среди толпы, вы редко можете заметить кого-либо из них. Разве что, они сами, вольно или невольно, могут сделать что-то необычное, что простые обыватели с лихвой воспринимают, как простые фокусы типичных иллюзионистов. Представьте, что кто-нибудь, неважно, кто, но вдруг узнает, что раз в столетие, в некоем месте, со-

бираются люди, решающие судьбу нашего мира. И делают они это не с помощью каких-либо спецэффектов, применяемых в кино, наподобие, фильмов ужасов, а на самом деле. Что бы сказала на такое глубокоуважаемая общественность? Забилась бы под кровать в лютом страхе? Или начала новую охоту на ведьм?

Пока я заполнял тележку продуктами, мои мысли крутились вокруг наших соседей.

На поверку выходило, что уже прибыли Бриджит, Хельга, Эстелла, мы с Шарлоттой и, вероятно, Лаура. Итого пятеро. Оставались еще четверо, абсолютно мне неизвестных, поскольку, кто прибудет на Игру, не знает даже сам космический разум. Если верить словам Шарлотты, а не верить ей причин у меня не было, она лучше знает остальных, Хельга прикинулась новичком. Но таковым она не являлась, значит, пока собрались одни опытные Игроки. Бриджит я знал, Эстеллу тоже. Про Лауру даже говорить нечего, потому как прошлый раз мы виделись и с ней, хоть уже и прошло целое столетие. Шарлотта говорила о своих предчувствиях, но как это всегда бывает у оракулов, черта с два там разберешь, где правда, а где лишь намек на нее. В гаданиях я разбираюсь слабо, не моя епархия, а других способов что-либо разузнать, не прибегая к старым добрым методам слежки, я не знал. Конечно, оставался еще один вариант, который я иногда использовал – поговорить с другими Хранителями. Бывало, что мы обменивались информацией, на взаимовыгод-

ных условиях, разумеется, но тут уж как повезет. Пятьдесят на пятьдесят. В принципе, пока не настала ночь Игры, мы друг для друга не враги, ведь мы всего лишь Хранители Игроков, сами-то никакой Силой, по сути, не обладаем, а только используем данную нам Игроками. Правда, и тут можно было нарваться на весьма неприятный казус. Среди Игроков белых и пушистых нет, а уж среди нас, их Хранителей, и подавно. Поэтому нет никаких гарантий, что, условившись сотрудничать, кто-нибудь из Хранителей не решит воспользоваться другими в собственных интересах. Как-никак, на кону судьба мира. И одни хотят уничтожить его и стать хозяевами того, что останется, а другие, наоборот, спасти, хотя им никто даже спасибо за этот подвиг не скажет.

Вот и думай, как тут быть. Сидеть ли в кустах самому и все вынюхивать или поговорить с коллегами по работе.

И еще неизвестно, что лучше...

Я остановился возле винного стеллажа. Шарлотта, обычно, избегала слишком уж крепких напитков, лишь изредка, в присутствии гостей, позволяла себе немного бренди, но шампанское мне показалось компромиссным вариантом. Я взял бутылку и тут ощутил, как волосы на затылке встают дыбом. Нет, разумеется, не в прямом смысле, а просто сработал старый инстинкт. За мной следят. Кто и зачем, я не знал, но ощущение, что где-то рядом есть шпион, прочно засело в мозгу. Подходя к кассе, я все время оборачивался. Вокруг никого не было, кроме пожилой пары, выбиравшей стейки,

и угрюмого парня лет семнадцать, хмуро рассматривавшего стеллаж с пивом. Но они явно не тянули на то, чтобы быть наблюдателями. Видимо, здесь был кто-то еще. Но я его не замечал.

Расплатившись за покупки, я покинул зал и покатил тележку по стоянке к своему автомобилю. И только уже подходя к машине, уловил краем глаза быстрое движение слева. Резко обернувшись, я сунул руку назад за пояс, но услышал смешок:

– Стареешь, ты, черт побери.

Я оглянулся. Рядом со мной, словно фантом, выросла худощавая фигура мужчины, одетого в темно-серое пальто с капюшоном. На меня смотрели его смеющиеся глаза, в которых никогда не гасли веселые искорки.

– Ночной Призрак, – выдохнул я, позволив себе немного расслабиться. – Опять за мной следишь?

– Работа такая, – небрежно ответил он и пожал плечами. – Говорят, что из всех Хранителей, ты самый опасный. А мы вчера вечером только приехали. В доме ни крошки, я решил сходить за покупками и вот вижу тебя. Не странно ли это, друг мой?

– Что тут странного? Четвертое октября на дворе. А что будет тридцать первого в полночь, ты сам знаешь.

Он кивнул.

Ночной Призрак был Хранителем Мадлен, высокой темноволосой, с постоянным задором в характере и очень даже

добродушной особы. Правда, она частенько любила прикладываться к виски, бывала в барах, но на ее мастерство данный факт никак не влиял.

Сам Ночной Призрак был под стать тому Игроку, которого защищал. В толпе вы бы никогда его не заметили. Невысокий, худощавый, с бородкой клинышком на узком костистом лице, он походил на вечно голодного студента. Но не верьте всему, что видите. Я сам был свидетелем, как однажды он отмудохал двух горилл-охранников возле бара, только за то, что они неудачно пошутили над пышной задницей Мадлен.

– А ты со своей мадам уже давно здесь? – спросил он.

– Да, третий день.

– Ну, я смотрю, вы там с ней не очень-то бедствуете, – его пальцы скользнули по гладкой крыше «Ауди». – Клевая тачка.

Я усмехнулся.

– Стараемся. А как у вас? Все хорошо?

Он покачал головой.

– Да все путем. Ничего необычного.

– А Мадлен как? В порядке?

– А что с ней станется? – он хмыкнул. – Ночью она была горяча, как вулканическая лава. После дороги всегда так. А сейчас спит. Ну, ты же ее знаешь.

– Извини, в этом плане не знаю, – улыбнулся я. – Ведь это ты с ней спишь.

Он негромко рассмеялся.

Близкие отношения между Хранителем и Игроком, вовсе не редкость. Такое бывало и раньше. Поэтому меня сперва и удивило, что Хранителем Хельги оказалась женщина, ведь обычно Хранитель всегда мужчина. Это Игроки у нас все сплошь женщины. Ну, а кто с кем, почему и сколько, я никогда не выяснял. Не мое это дело. Хотя, Ночной Призрак любил прихвастнуть своими подвигами на этом поприще, и что-то мне подсказывало, что в делах амурных он далеко не такой гигант, как о себе всегда говорил.

– Тебя подвезти? – спросил я.

Он окинул взглядом мою машину и кивнул.

– Не откажусь, прокатится на такой тачке.

– А где твои покупки?

Ночной Призрак указал на тележку слева от входа на стоянку. Там были, в основном, пиво, холодные закуски и...презервативы. Тьфу, ты, черт. Впереди настоящая судная ночь, а ему хоть бы что. Развлекается, парень, молодой еще. На сто лет младше меня...

– Ладно, – сказал я. – Ты поможешь мне загрузить мою тележку, а я твою. Согласен?

– Да не вопрос.

Мы погрузились, и, как говорят моряки, легли на обратный курс.

Ночной Призрак некоторое время молчал, рассматривая салон «Ауди», потом внезапно спросил:

– Как поживает старушка Шарлотта?

Я мельком взглянул на него.

— Она в порядке.

— Правда?

— А что не так?

— Ну... — он неопределенно провел пальцами в воздухе, выписывая замысловатую петлю. — Есть повод сомневаться.

— Почему?

— У Мадлен последнее время часто бывают видения.

— И что с того? У многих наших подопечных они бывают.

— Не знаю, не знаю, — Ночной Призрак шумно вздохнул.

— Похоже, что эта Игра будет не такая, как всегда. Бастион волшебника.

Я посмотрел на него.

— Ты шутишь? Я слышал, что Бастион волшебника не случался уже почти пятьсот лет. А то и больше.

— Мадлен в этом уверена. А ее словам я доверяю.

Я на мгновение задумался.

Бастионом волшебника, насколько я знал, называли Игру, в которой оставался в живых только один из Игроков. Ходили слухи, что такая штука случается раз в тысячелетие, хотя проверить это было практически невозможно. Я не знал никого из Хранителей, кто бы помнил свое участие в Бастионе волшебника. Может, если только Седрик, но он был Хранителем Бриджит как раз почти пять веков, и, ни разу не упоминал, что его Игрок был там. Даже Шарлотта и Лаура, которые участвовали в последней Игре, свидетелем которой до-

велось быть и мне, не уничтожили друг друга. Бастион волшебника не оставляет компромиссов. Говорили, что Сила там измеряется в масштабах несоизмеримо громадных, чем может себе вообразить простой смертный, и требует крови. Много крови. Поэтому, в живых должен остаться лишь один-единственный Игрок, который и станет вершителем судьбы мира. К сожалению, никто из тех, кого я знал лично, не видел Бастиона волшебника воочию. И спросить об этом мне было некого. Однако я всерьез задумался переговорить с Седриком. Среди нашей братии он считался самым старым. И самым опытным. Хотя, мне приписывали наибольшую опасность среди Хранителей, и об этих слухах я был осведомлен, Седрика я всегда относил к той категории, которую никак нельзя недооценивать.

– Шарлотта говорила, что чувствует, все будет иначе, – сказал я. – Может, Мадлен и права.

– Тогда мы накануне самой грандиозной вечеринки за последние пять веков, – усмехнулся Ночной Призрак.

– А ты уже обрадовался?

– Жить в удовольствие, мой девиз, бро. Никогда не знаешь, какую Игру ты сможешь продержаться, а какая станет твоей последней.

– И это приятно щекочет нервы? – усмехнулся уже я.

– Вот именно. Ты в курсе, что Лаура здесь?

Я кивнул.

– Да.

– Габриэлла с Джиной тоже. А Клодия приедет завтра.

Я быстро подсчитал в уме. Мы, с Шарлоттой, Эстелла, Бриджит и Хельга. Теперь еще добавились Лаура и Мадлен. Это уже шесть. Если приехали Габриэлла и Джина, да и пришествие Клодии ожидается завтра, значит, будет девять. Черт. Похоже, все в сборе. И теперь прощай спокойная жизнь в провинциальном французском городишке.

Но был другой вопрос, который интересовал меня больше.

– Рыжий Крыс все еще с Лаурой? – спросил я.

Ночной Призрак фыркнул.

– А что с ним станется-то? С ней, с кем же еще.

Я кивнул, погрузившись в свои, совсем невеселые думы.

Рыжий Крыс был самым противным из всех Хранителей, которых я знал. Довольно рослый, но худой, как жердь, при этом невероятно сильный и жилистый. И ярко-рыжий. Настолько, что я едва ли мог бы назвать вам хоть одного человека, который был бы таким же рыжим как он. Из-за неприятного взгляда его блеклых зеленых глаз и манеры поведения, он и получил свое прозвище – Крыс. Его настоящего имени я так и не узнал.

У Рыжего Крыса была врожденная способность к лекантропии, что всегда с успехом использовала Лаура, прекрасно осведомленная об этом его даре. В нашу прошлую Игру, я оставил ему на память небольшой шрам на шее, и теперь ничуть не сомневался, что Крыс жаждет взять реванш. Все-

таки, мы с Шарлоттой еще не проиграли ни одной Игры, а это означало, что мне следует проявить максимум осторожности, особенно, в последние дни перед той самой ночью, когда состоится новая Игра. Тем более, когда прибыли Лаура и Рыжий Крыс.

– Уже задумался? – прервал мои размышления своим вопросом Ночной Призрак.

– На моем месте ты бы тоже поразмышлял, – ответил я. – Крыс не простит мне тот удар, что он получил в прошлый раз.

Ночной Призрак расплылся в улыбке.

– На его месте я бы тоже не простил.

– Значит, тебе повезло, что ты не на его месте, – тоже с улыбкой парировал я.

Ночной Призрак почему-то не ответил. И мы доехали в полном молчании.

Я помог ему разгрузить его покупки, распрощался и подкатил к нашему дому. Уже занося коробки в дом, я заметил, что Шарлотта сидит на кухне, подогнув под себя ноги, и наблюдает за мной. На ней была все та же черная водолазка, но теперь она разгуливала по дому в джинсовых шортах. И мой взгляд постоянно натыкался на ее голые колени. Они были настоящим достоянием. Ее колени. И еще глаза. Ее васильково – голубые глаза, в которых тонешь как в омуте. Без единого шанса спастись. Словно ты дурачок, который не умеет плавать...

Она смотрела, как я достаю продукты и укладываю их в холодильник. Заметив бутылку шампанского, она улыбнулась, взяла ее в руки и хихикнула.

– Не рановато ли праздновать? – спросила она, переводя взгляд на меня.

– А разве есть причина, чтобы не делать этого? – ответил я вопросом на вопрос.

Она еще раз посмотрела на бутылку.

– Решил меня напоить? – Шарлотта игриво погрозила мне пальцем. – Нехороший мальчик.

– И в мыслях не было, – я пожал плечами. – Габриэлла с Джинной приехали.

Лицо Шарлотты немного побледнело.

– Когда?

– Сегодня. Завтра приедет Клодия. И, кстати, Мадлен тоже здесь. Я видел Ночного Призрака.

Из груди Шарлотты вырвался тяжкий вздох. Она присела на стул и задумчиво уставилась на оконную раму.

– Значит, все уже прибыли.

– Выходит, что так, – кивнул я.

– Ночной Призрак что-нибудь сказал? – спросила она.

– Только то, что у Мадлен были видения. Про Бастион волшебника.

Шарлотта слегка дернулась.

– И у нее тоже... – негромко пробормотала она и посмотрела на меня. – Кажется, эта Игра будет необычной.

– Скажете что-то, чего я еще не знаю, ваша светлость? – я уложил продукты, закрыл дверцу холодильника и взглянул на нее.

Она несколько мгновений помедлила, глядя мне прямо в глаза. Но ее смелости явно не хватило, и она быстро отвела взгляд. Игрок не обязан делиться с Хранителем всеми секретами, это факт, но, обычно, когда есть какие-то недомолвки, это сильно усложняет для Хранителя его работу. Ведь мы оберегаем Игроков, и от наших действий зависит, доживет ли Игрок до самой Игры. А такое бывало и не раз. Когда из девяти прибывших, до тридцать первого октября доходила только половина.

– Думаю, она скоро начнет, – тихо промолвила Шарлотта, опустив глаза.

– Лаура? – спросил я.

Шарлотта не ответила, но едва заметно кивнула.

– Рыжий Крыс с ней, – сказал я. – Значит, мне следует быть начеку.

– Хочешь вызвать Оружейника? – Шарлотта подняла на меня глаза.

Я посмотрел на нее и вздохнул. Оружейник – самая странная фигура в правилах Игры. Он никак не взаимодействует с Игроками, хотя только они могут его вызвать. Он работает с нами, Хранителями. Вызвать Оружейника можно лишь один раз и до самой Игры, например, если тебе, как Хранителю, понадобилось какое-то необычное оружие или снаря-

жение. Все, что ты потребуешь, Оружейник тебе предоставит. Как он это делает, черт его знает, я никогда не понимал всех тонкостей, что существуют в Игре, но сегодня еще только четвертое октября. Если вызвать Оружейника сейчас, больше шансов получить то, что мне, как Хранителю, окажется необходимым, уже не будет. Нет, лучше не рисковать.

Я покачал головой.

– Пока рано, – сказал я, – подождем.

– Уверен? – она пытливо посмотрела мне в глаза, и я внезапно осознал, что Шарлотта очень боится, хоть и всеми силами старается не показывать этого.

– Уверен, – кивнул я.

– Думаешь, что справишься своими силами?

Я опять пожал плечами.

– Раньше справлялся. Если будет нужен Оружейник, я вам сообщу, ваша светлость. Желаете на обед жаркое или мясо по – баварски с гарниром?

Она на несколько мгновений оторопела. Словно никак не ожидала, что я мигом переключусь с обсуждений насущных вопросов на еду.

– Вот ты всегда так, – тяжело вздохнув, буркнула Шарлотта. – Только с тобой говоришь про серьезные вещи, а ты...

– Хотите гарнир из зелени или печеных фруктов?

Она устало мотнула головой.

– А что посоветуешь?

– Зелень полезнее, печеные фрукты вкуснее. Выбирать

вам, ваша светлость.

По ее лицу было видно, что она готова выругаться. Я знал, что пытаюсь казаться сильной и независимой, она всегда оставляла право выбора мне. Последние сто лет так точно. И, если я, чаще в шутку, чем всерьез, предлагал выбирать ей, Шарлотту это бесило. Но иногда было необходимо вытряхнуть Шарлотту из ее ведьминой скорлупы, в которую она пряталась, и заставить хоть немного побыть самой обычной женщиной.

– Выбираю фрукты, – процедила она.

– Отличный выбор, ваша светлость, – улыбнулся я, зная, что сейчас будет настоящий взрыв. – Печеные на углях или в духовке?

На мгновение ее лицо вытянулось. Потом воздух сотрясли такие ругательства, что мне показалось, даже оконная рама прогнулась.

В мое время, маркизы так не ругались. Хотя, о чем это я? Мое время, собственно, закончилось уже триста лет назад. Теперь эпоха эмансипации. А тут уже все возможно...

5 октября

Крик. Он раздался неожиданно, пробуравив уши, словно мощный вой пожарной сирены. Я спал на кушетке в гостиной, на первом этаже, и, едва крик пробудил меня ото сна, тут же вскочил. Первые несколько секунд я не мог понять, действительно ли слышал его, или мне просто приснилось, хотя правая рука уже автоматически нащупала под подушкой ребристую рукоять кольца.

Затем крик повторился, но чуть тише, и я понял: кричала Шарлотта. В два прыжка преодолев лестницу, ведущую на второй этаж, я пинком распахнул дверь ее комнаты и ворвался внутрь, готовый стрелять во все, что покажется мне подозрительным. Но все было спокойно. Кроме самой Шарлотты, которая сидела на кровати, обхватив колени руками, и раскачивалась как маятник. Туда-сюда. Ее глаза смотрели в полумрак, освещенный лишь отблесками фонарных столбов у дороги, словно в бездну. Испуганные глаза маленькой девочки, увидевшей неопишущий ужас.

Я опустил оружие и подошел ближе.

– Все в порядке, – сказал я, стараясь придать своему голосу максимум уверенности. – Это был просто сон. Дурной сон.

Она повернула голову. В глазах застыло то, что наполняло ее страхом. Шарлотту трясло.

– Нет, – негромко промолвила она. – Это был не сон. Я видела...

Игроки, обычно, никогда не рассказывают Хранителям о своих видениях. Это часть их жизни, не нашей. Мы можем уберечь от пули, клинка, яда, клыков и когтей, но от той Силы, что дает Игрокам возможность предвидеть, то или иное событие, защитить мы не можем. Это их дар. И одновременно, проклятие. Утешать тут нечем. Любой, кто стал Игроком, кто знает весь порядок вещей, саму суть Игры, уже никогда не станет прежним.

Как, впрочем, и тот, кто стал Хранителем...

Я покачал головой.

– Пойду, сварю кофе. Горячий. С шоколадом. Помогает.

Не успел я повернуться, чтобы выйти и спуститься вниз, на кухню, как почувствовал, что рука Шарлотты вцепилась в мое запястье.

– Не уходи, – тихо произнесла она. – Пожалуйста...

Она не смотрела на меня. Гордость, как всегда, запрещала признаться, что ей страшно. Но я видел, как трясутся ее плечи. И знал, что она напугана до смерти тем, что ей только что привиделось.

– Хорошо, – сказал я и прилег рядом.

Она тут же уткнулась головой мне в шею, волосы мягкой щетиной легли мне на лицо. От нее пахло лавандой. Чистой горной лавандой. Мне нравился этот запах. Я положил ладонь с зажатым в ней пистолетом себе на грудь, одновремен-

но стараясь не шевелиться, но это было уже не нужно. Не прошло и минуты, как я уловил ее ровное спокойное дыхание. Шарлотта заснула.

Было далеко за полночь, когда за окном пошел дождь. Он зашуршал, как старая пожухлая листва под ногами, изредка вбивая стуком капель в стекло, когда порыв ветра швырял влагу в дом. Ветки в саду раскачивались, перемежаясь с отсветом фонарей снаружи, и отбрасывая на потолок и стены причудливые тени. Я внезапно вспомнил такую же дождливую ночь. Когда я, будучи, самым обычным капралом, оказался одним из тех двадцати тысяч, которых курфюрст Бранденбургский обещал послать в Вестфалию, в тысяча шестьсот семьдесят втором году.³

Но тогда еще осенью местные жители открыли шлюзы, и вода затопила почти всю Голландию. Говорили, что тогда французы спаслись возле Лейдена только чудом. И мы, прошагавшие маршем до самого Энтцгейма, в октябре, таком же дождливом октябре, тысяча шестьсот семьдесят четвертого, и едва не вошли в Хагенау. Нас не ждали там, как освободителей. У местных было полно пороха и мушкетов, и я хорошо помню, как они стреляли в нас. Оборванных, не имевших возможности пополнить припасы, из-за проклятого дождя. Помню, как пуля попала мне в спину. Помню, как я полз от самого пригорода, истекая кровью, и моля кого толь-

³ Имеется в виду, события, развернувшиеся во время Голландской войны 1672-1678 годов.

ко мог, чтобы умереть одному и в тишине. Но я знал, что мне не дадут умереть спокойно. Тот кровавый путь, что я проложил, спасаясь от голландцев, был устлан их остывающими под дождем телами. И чем больше своих мертвецов они видели, тем яростнее жаждали расправы над солдатом в грязном камзоле, отползавшем от города с одной лишь шпагой в руке.

Я помнил, как пахло прелой листвой и землей. Помнил, как расцарапал себе локти и лицо, продираясь сквозь кустарник к какому-то строению, что видел смутно и издалека. В перелеске они почти потеряли меня. В сгущающихся осенних сумерках, уже трудно было рассмотреть кровавый след на листве, да и дождь оказался моим союзником, подмывая почву и все, что на ней было заметно. Но они принесли факелы. И дело было бы кончено, прямо в том колючем кустарнике, если бы я не почувствовал, как воротник моего камзола подхватили чьи-то руки.

Она втащила меня в овраг.

Ее мокрые волосы спутались в какой-то невообразимый колтун, платье и корсет были заляпаны грязью не хуже моего камзола, и я помнил ее руки, мягкие руки, что тащили меня вниз, на самое дно оврага, чтобы избавить от участи оказаться среди толпы разъяренных местных фермеров. Шарлотта Мерсье. Так ее звали тогда. И она еще не была маркизой де Биар.

– Потерпи, солдат, – шепотом сказала она, и я услышал

треск рвущейся ткани. – Будет больно.

Больно? Мне показалось это смешным. Что может ощущать человек, который уже приготовился умереть? Боль всего лишь награда за страдания, ждешь ты их или нет, неважно. Важен лишь дождь, что роняет тебе на лицо холодные капли и женские руки, что переворачивают тебя на бок. Она оторвала от своего платья кусок ткани и сунула мне в рот. Кричать было нельзя, преследователи сновали где-то поблизости, и я все понял. Я сжал зубами этот кусок материи, пахнувший терпкой травой и отдающий песчинками мокрого песка. Она взяла из моих пальцев шпагу и стала вынимать пулю. Если вам когда-нибудь довелось побывать в роли пациента, которого молодой хирург режет без анестезии, вы бы меня поняли. Больно? Да, что вы. Это было невыносимо больно, потому, что проклятый кусок свинца застрял под лопаткой и наотрез отказывался выходить. Я сжал зубы так, что был готов проглотить ткань, закрывавшую мне рот. Но она справилась. И показала мне сплюснутый обрубок, некогда бывший пулей, до того, как он встретился с моей плотью.

– Вот, видишь, – сказала она, почему-то улыбаясь, словно это было важное дело: достать из меня свинец, – теперь все будет хорошо. Ты поправишься...

Она оказалась права. Я действительно поправился, и уже больше трех столетий рядом с ней. Оплачиваю свой долг, спросите вы? Как бы ни так. Свой долг я уплатил уже давно, будучи ее Хранителем. Но оставить ее не могу. Даже,

несмотря на то, что она сделала много позже, уже после того, как спасла мне жизнь. И черт меня знает, почему. С женщинами всегда так. Двусмысленность...

Под утро дождь совсем стих.

Я очнулся, будто от толчка, и только потом понял, что заснул. Шарлотты рядом не было. Моя рука, все еще державшая кольт, сильно затекла, и я поднялся, разминая суставы. Оглядевшись, я увидел, что дверь в комнату была открыта. Выйдя в коридор, я втянул в себя воздух, и мои ноздри уловили запах пережаренного бекона, а внизу, с кухни, доносились звуки перестукивания ножей и вилок. Бог ты мой! Шарлотта решила приготовить завтрак. Да, ну нет. Эта попытка, конечно, достойна одобрения, но я-то знал, и даже чувствовал по запахам, что ее ожидает полное фиаско.

Убрав оружие за пояс, я спустился вниз. Шарлотта суетилась на кухне, одетая в ярко-красный шелковый халат, с вышитыми повсюду золотыми драконами, подарок, что мы высмотрели на ее день рождения, на Тайване. Волосы она стянула над ушами, и теперь вокруг ее лица свисали два хвостика. Не дать, ни взять настоящая Пеппи Длинный Чулок. Поясок халата она стянула так, что все округлости ее фигуры оказались видны невооруженным глазом. Держа в одной руке вилку, а в другой нож, она пыталась сделать омлет с беконом. Но тот тихий ужас, что я увидел на сковороде, выглядел не просто несъедобным, а настоящим космическим мусором. Есть такое смог бы только человек, желавший уме-

реть, либо инопланетянин, ничего не смысливший в земной кулинарии.

– Прости, я, наверное, тебя напугала, – сказала она, улыбаясь. – Но я не хотела тебя будить и решила немного похозяйничать на кухне.

Я многозначительно посмотрел на сковороду и кивнул.

– Это я вижу.

– Да, омлет, немного не удался, но... я сделала сэндвичи.

Я взглянул на стол, где на тарелке лежало нечто, отдаленно напоминавшее сэндвичи с сыром. Да разнесите мою черепушку все демоны ада, если это были сэндвичи, то я прима балета, исполняющая стриптиз в зале Мэдисон-сквер-Гарден в Нью-Йорке. Шарлотта смотрела на меня и продолжала улыбаться, словно бы говоря, извини, повариха из меня никакая, но я попыталась. Ее улыбка обезоруживала. Это же Шарлотта. Всегда такой была, всегда такой и останется.

Я отодвинул ее от плиты.

– Не возражаете, если завтраком я займусь сам, ваша светлость?

Она улыбнулась еще шире.

– Нет. И когда ты, наконец, перестанешь называть меня ваша светлость?

– Когда пойму, что это время пришло, ваша светлость, – буркнул я, подхватил сковороду и отправил ее содержимое в мусорное ведро.

Шарлотта хихикнула.

– Фу, какой ты сегодня злюка.

– Я всегда такой. До завтрака.

Спустя полчаса моих трудов, на столе появились хорошо обжаренный стейк и ломти подрумяненного в тостере хлеба. Плюс, кофе и сливки. Шарлотта поглощала еду с большим аппетитом, словно видение, что случилось у нее этой ночью, заставило ее хорошенько проголодаться. Я ни о чем не спрашивал. В конце концов, я всего лишь Хранитель. Не мне вникать в мысли Игроков. Все равно ничего не пойму. Если когда-нибудь решусь сменить работу, в резюме можно смело написать: больше трех веков опыта в частной охране, навыки стрельбы, рукопашного боя и приготовления пищи, защита объекта от демонов и прочей хрени, которую нормальные люди никогда в глаза не видели. Хотя, кого я обманываю? Шарлотту я не брошу. Без меня ее убьют...

После завтрака Шарлотта отправилась к себе наверх, пребывая в самом что ни на есть превосходном расположении духа. А мне пришлось спускаться в подвал, чтобы заправить генератор. Пока я там возился, прошло, наверное, минут сорок, потом я услышал ее шаги возле лестницы, ведущей в подвал.

– Алекс, – позвала она. – Нам нужно кое-что сделать.

Я поднялся наверх, вытирая перепачканные дизельным топливом руки.

– Чего изволите, ваша светлость? Будем завоевывать галактику?

Она фыркнула.

– Нет, но ты должен кое-что увидетьь.

– Я ничего не смыслю в ваших ритуалах, – пришлось возразить мне. – Читать руны, гадать на костях, это не мое.

– Да нет же, – она нетерпеливо ухватила меня за рукав. – Пойдем, сам увидишь.

Мы поднялись на второй этаж, вошли в ее комнату, где на столике возле кровати я заметил две почти сгоревшие свечи, а между ними старую оловянную тарелку, на которой лежал крупный необработанный аметист. Едва я вошел, как он начал светиться всеми оттенками пурпурного и фиолетового. Шарлотта улыбалась.

– Сегодня мы идем в гости. Нас пригласили.

Ах, да. Я и забыл, что такие вот камешки есть у каждого Игрока. Не знаю, как они там работают, но это что-то вроде сотовой связи для ведьм. Можно отправлять послания другому Игроку, как по зашифрованному каналу. Однако я старался не смотреть на сам камень. Слишком много воспоминаний о том, как я стал Хранителем. Никогда не любил ворошить прошлое, но оно периодически выплывало в мозгу, зажигая яркий маяк тех мыслей, которые я бы предпочел уничтожить навсегда. Чтобы никогда больше об этом не помнить. Но, увы, такое не под силу никому.

– И куда мы идем, ваша светлость? – спросил я, наблюдая, как Шарлотта копается в своем сундучке, где она хранила свои магические приспособления и амулеты.

– Мне необходимо встретится с Эстеллой. Срочно.

– Ее Хранитель в курсе?

– Наверное, да, а что?

– Не хотелось бы пробиваться с боем, если Волк решит, что мы там незваные гости. Он же Хранитель.

Шарлотта на мгновение приостановила свои поиски и задумчиво сдвинула брови.

– Гмм... а ты знаешь, я об этом не подумала. Хорошо, что ты сказал мне. Я непременно сообщу Эстелле, чтобы нас встретили с миром.

– Очень на это надеюсь, – кивнул я. – Патроны мне еще понадобятся.

– Не нужны там никакие патроны, это просто визит вежливости.

– Переговоры?

– Ну... почти.

Ага, почти. Это означало, что все будет с точностью до наоборот. Уж я-то знаю Шарлотту. Если она что-то затеяла, готовьтесь к большому переполоху, дым вы увидите даже на канадской границе. Я терпеливо ждал, и, наконец, Шарлотта с гордым видом вытащила небольшой сверток, положив его на кровать.

– Вот, – сказала она. – Смотри.

Шарлотта трепетно развернула сверток, и я увидел старую потрепанную временем колоду карт Таро Тота, созданную Алистером Кроули. Ясно, мы идем гадать. Не было печаль-

ли, да свиньи закричали. Ладно, значит, сегодня будет весьма насыщенный вечер.

– Сообщите, что мы придем по делу, – сказал я и развернулся к двери. – И пусть Волк не стреляет. А то мало ли.

Она кивнула и удивленно посмотрела на меня.

– А ты куда?

– Пойду готовиться. Вечерок может выдаться знатным.

– Не сгущай краски. Мы всего лишь обсудим с Эстеллой кое-что.

– Краски не по моей части. Не художник. Я Хранитель.

Я спустился вниз.

Нельзя сказать, что я был недоволен. Если Игрок решил, что нужно что-то делать, ему виднее, но вот другой вопрос, что обеспечение безопасности Игрока, это уже моя забота. Само по себе гадание, для тех, кто просто верит в эзотерику, вполне себе безобидное занятие. Но это никоим образом не связано с такими, как мы. Опираясь силами, не доступными пониманию обычных людей, Игроки навлекают на себя гораздо больше опасности, чем представляется. Любое гадание это маркер. Что кто-то из Игроков начал использовать свою Силу. И враги могут попробовать этим воспользоваться. Это все равно, что получить рану в воде и надеяться, будто на кровь не приплывут акулы. Поэтому сегодня у меня будет много работы.

Открыв чемодан, я достал штурмовую винтовку. Потом выгрузил все запасные магазины и распихал их в под сумки

бронежилета. Чтобы оружия и жилет не было видно, пришлось достать свой старый длинный кожаный плащ. Для кольта у меня был только один магазин, но я вытащил из чемодана все остальные и тоже загрузил в подсумки на камербенте. Для особых случаев у меня имелся еще и запас фосфорных гранат. Подумав, я решил взять с собой парочку. Не люблю, когда бывает, что какая-нибудь вынырнувшая из параллельного мира тварь, получив порцию свинца, все равно остается на ногах или копытах. А фосфор... он был проверен мной еще во Вьетнаме. Горит без доступа кислорода. Сделает факел из любой адской макаки, независимо от ее места и среды обитания.

Часы пробили ровно семь вечера, когда мы оказались возле дома Эстеллы. Свет уличных фонарей отражался в лужах на мокром асфальте дороги. Очертания крыш и леса, уходящего в сумрак, терялись среди влажного тумана. Я оглянулся. Этот чертов туман мне не нравился, к полуночи он мог стать еще гуще. Учитывая цель нашего визита, очень бы не хотелось потерять видимость периметра.

Шарлотта аккуратно постучала в дверь.

Она была одета в темно-серую блузку и джинсы, накинув поверх длинное черное пальто. Сверток она держала как настоящую драгоценность, что для меня не было в диковинку, но вот Волк, открывший нам дверь, изумился.

– Это вы чего еще с собой принесли? – он недоверчиво покосился на сверток.

– Давно не виделись, – сказал я и посторонился, чтобы дать пройти Шарлотте. – Это нас не касается, дружище. Не бери в голову.

– Я же Хранитель, – чуть возмущенным басом ответил Волк. – Я должен знать.

– Ага, – усмехнулся я. – И поэтому у тебя так паршиво закрыт периметр. Я ни одной ловушки не заметил.

Он смущенно опустил взгляд.

– Так я это... не успел еще...

Мы вошли. С лестницы раздались шаги, и показалась Эстелла. Она почти не изменилась с последней Игры, разве что стала больше курить, делая самоубийственные затяжки одну за другой. Густые темные волосы обрамляли мягкое пухлое лицо, а глаза светились какой-то необычайно грустной усталостью. Словно она не хотела нести тяжкую ношу, но судьба, эта немилосердная злодейка, заставила ее делать это. Одевалась она всегда в черное. Толстый вязанный свитер под горло, и кожаные брюки. Единственное, что разбивало этот черный цвет резким контрастом, это кулон из сверкающего серебра, висевший у Эстеллы на груди. Не знаю, насколько они с Волком были близки, как те же Ночной Призрак с Мадлен, но я подумал, что в выборе одежды Эстеллы явно сказывалось влияния ее Хранителя, бывшего раньше заправским байкером.

– У меня все готово, – глухим, чуть хрипловатым басом, произнесла Эстелла, глядя на Шарлотту.

Моя подопечная кивнула и посмотрела сначала на Волка, затем на меня.

– Вам нельзя заходить наверх, – сказала Шарлотта, продолжая смотреть в мою сторону. – Пока мы не закончим.

– Да, мы знаем, – недовольно буркнул Волк. – Не новички же.

Шарлотта снова кивнула и в сопровождении Эстеллы направилась к лестнице.

Мы с Волком остались стоять у двери. Он некоторое время молчал, потом вдруг предложил:

– Ну, что? Пойдем, покурим?

Я пожал плечами.

– Пойдем.

Выйдя на крыльцо, я быстро пробежал взглядом по соседним домам, что были едва видны в надвигавшемся тумане. Уличные фонари словно бы заволокло дымкой, свет стал размазанным и мутным. Волк поправил висевший на плече дробовик и протянул мне сигарету. Потом шумно вздохнул.

– Не нравится мне все это, – сказал он и покачал головой. – Совсем не нравится.

Я закурил и взглянул на него.

– Что не нравится?

– Да все. Ты знаешь, что Лаура приехала?

– Слышал.

– И Рыжий Крыс с ней.

– Да, я знаю.

– Он тебя не простил.

– А ты бы простил?

Волк несколько мгновений смотрел на меня, потом хмыкнул.

– Нет.

– Вот именно.

– Клодия придет утром. Говорят, что-то ее задержало.

– Кто это сказал?

– Да так, слухи.

– Ночной Призрак наплел? – усмехнулся я.

– Ага. Он много чего знает.

– Половину из того, что он знает, он же сам и придумал.

Не стоит верить ему на слово.

– Но про Бастион волшебника, думаю, он не врет.

– Он и тебе об этом рассказал?

– Конечно. Мы тут недавно опрокинули с ним по стаканчику. И поболтали.

Я покачал головой.

– Поменьше налегай на спиртное, дружище. Как я погляжу, твоя Эстелла вся на нервах. А ты все-таки Хранитель.

– Да, она все ждет знака, чтобы решить, на чьей стороне быть в ночь Игры.

– Возможно, сегодня она его получит. Этот знак.

– Думаешь?

Я усмехнулся.

– Предполагаю. Думать при нашей с тобой работе лучше

про другое.

– Это ты опять про периметр? – он недовольно покосился на меня.

– Про него тоже. У тебя ничего нет вдоль ограды. Кто хочешь, заходи. И с одним дробовиком ты долго будешь расхаживать? Найди что-нибудь посущественнее.

Волк хмуро сдвинул брови.

– А ты уже нашел, да? Что-то покруче своего чертова кольта?

Вместо ответа я распахнул плащ. Увидев бронежилет с полным набором подсумков, висевшую на тактическом ремне под мышкой штурмовую винтовку и гранаты, Волк присвистнул и замотал головой.

– Ну, ни хрена себе, ты упаковался.

– И тебе советую. Пока еще только пятое октября. Поверь, с каждым днем, что ближе к ночи Игры, будет только хуже.

– Куда уж хуже то...

Он осекся. Мы услышали сверху протяжное «ууууарррру-ууу», словно где-то в тишине завыл волк или собака. Свет, струившийся из окна на втором этаже, начал колебаться, то появляясь, то исчезая, как самый настоящий призрак. Волк поежился.

– Ненавижу это, – буркнул он.

– А я привык.

– И как тебе удастся? Ну, я имею в виду, что ты каждый день сторожишь ведьму и видишь всякие разные вещи, ко-

которые разум не может осмыслить?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Я всегда был только солдатом. Не важно, на каком фронте ты сражаешься, если это твое основное ремесло, и ты больше ничего не умеешь.

– А ты философ, черт подери. Я так не могу.

– Я тоже не мог. Первые сто лет.

– А потом?

– Потом привык.

– Ну, не знаю. Я бы...

Я не дал ему договорить. Что-то промелькнуло в тумане, что-то очень быстрое и маленькое. Пролетело над крышей, будто выпущенное из пушки ядро, и устремилось куда-то в сторону леса. Я отбежал от крыльца, задрал голову вверх и пытался определить, что это и откуда оно взялось. Палец сам, без принуждения, лег на спусковую скобу винтовки. Но сколько я ни старался, так и не смог ничего увидеть. А, может, мне показалось? Я не был в этом уверен.

– Ты чего? – удивился Волк, тоже отошел от крыльца и стал озираться вокруг.

Я вертел головой во все стороны. Черт, неужели, показалось?

– Не знаю, – пробормотал я. – Что-то пролетело здесь.

– Что пролетело?

– Понятия не имею. Что-то...

Похожее на летучую мышь, внезапно подумалось мне. Но

Волку я этого не сказал. Туман действительно стал гуще, дальше двадцати метров ничего нельзя было разглядеть.

– Не знаю, может, показалось, – сказал я и снова шагнул на ступени крыльца.

– Бывает. При нашей работе нервишки часто шалят, – усмехнулся Волк.

Свет на втором этаже погас. Я вытянул шею, посмотрел наверх и сказал:

– Похоже, они закончили.

Волк обернулся, глянул внутрь дома через приоткрытую дверь и кивнул.

– Да, спускаются.

Я отстранил его и вошел в дом. На лестнице показались Шарлотта и Эстелла, обе уставшие и изможденные. На мой немой вопрос, Шарлотта с улыбкой ответила:

– Все прошло лучше, чем я ожидала. Теперь мы можем возвращаться.

Мы распрощались и пошли обратно.

Туман не хотел расступаться. Фонарные столбы возникали из молочного марева, точно сказочные чудовища, сопровождая нас всю дорогу до дома. Подойдя к калитке, я обернулся. Ощущение опасности, возникшее еще там, на крыльце у дома Эстеллы, когда я заметил нечто, пролетевшее над крышей, никак не улетучивалось. Конечно, я мог и ошибиться, приняв желаемое за действительное, но всегда лучше быть готовым к бою, чем оказаться не способным вообще

ни к чему. Я пропустил Шарлотту вперед, открыв перед ней калитку, и только тогда заметил возле ограды четкий след. Черта с два мне показалось. След был совсем свежий, всего несколько часов, это можно было определить по подсохшей грязи. Отпечаток принадлежал какому-то животному, но точно не собаке. Скорее, это был волчий след, но такого размера волков на свете не бывает. Я быстро оглянулся.

Шарлотта увидела, что я остановился, посмотрела на меня и с тревогой спросила:

– Что случилось?

– Быстро в дом, – резко сказал я. – Запрись и не выходи, пока я не постучу.

Ее удивленное лицо, когда она не услышала привычного «ваша светлость» вытянулось и побелело.

– Да что там такое...

– В дом. Быстро, – тоном, явно не терпящим возражения, отрезал я. – Шевелись.

Она испуганно моргнула и поспешила к двери. Я проследил взглядом за оградой, заметив еще один след, уже дальше. И разом вскинул винтовку. Чтобы это ни было, оно обошло ограду с севера на юг, вероятно, заметив мои ловушки. Чуть пригибаясь, я прошел по следу, находя все новые отпечатки в свежей грязи. Туман снижал видимость, что было плохо, ведь если противник еще здесь, я могу его вовремя не увидеть. Но вокруг было тихо. Лишь ветер изредка шевелил ветви деревьев.

Обогнув дом по кругу, я нашел еще пять или шесть таких отпечатков. Теперь мне стало ясно, что это была лишь разведка, проникнуть в дом загадочный пришелец явно не хотел. Но он знал, что я оставил по периметру ловушки, и будет пытаться их обойти. Это несколько усложняло дело. Придется завтра этим заняться, добавить еще пару-тройку сюрпризов.

Вернувшись к двери, я негромко постучал.

– Открывайте, ваша светлость.

Послышался щелчок замка, и Шарлотта распахнула дверь. Она была бледная и немного дрожала.

– Что там? – спросила она, поеживаясь, словно промерзла.

– У нас был гость.

– Это опасно?

– Возможно, но, боюсь, сегодня вам не придется почивать в одиночестве.

Ее глаза широко раскрылись от удивления.

– Это в каком смысле?

– В прямом.

Она покачала головой.

– Надеюсь, ты шутишь.

– Нет. И завтра вам нужно вызвать Оружейника.

– Так быстро?

– Да, так быстро.

Я первым поднялся на второй этаж, проверил, заперты ли

остальные комнаты, затем вошел в спальню Шарлотты и открыл окно. В воздухе все еще чувствовалась влага. С нависавшей листвы капало.

Я осмотрел сектор для стрельбы, прикинул, с какой дистанции смогу попасть в мишень, примерно, крупнее человека, и решил, что спать сегодня мне не придется. Шарлотта вошла следом, и смотрела, как я отодвигаю кресло и торшер, чтобы оставить свободным проход к двери в комнату.

– Ты это серьезно? Насчет Оружейника?

Я выпрямился и взглянул на нее. Но ничего не ответил. Она и так все поняла, без лишних слов. Там, возле ограды, на ветках кустарника, я обнаружил маленький клочок рыжей шерсти. И теперь был точно уверен, что за гость приходил сюда. Этого врага я не сумею остановить, если не вызвать Оружейника. И, как бы мне не хотелось приберечь этот вызов на самый крайний случай, рисковать было нельзя. Шарлотта не стала раздеваться. Просто скинула обувь и прилегла, свернувшись калачиком на кровати и все еще наблюдая за мной.

Я развернул кресло и сел лицом к двери и боком к окну. Винтовку положил на колени и снял с предохранителя. Ночное бдение началось. Торшер я выключать не стал. Просто откинулся в кресле, поудобнее пристроив палец на спусковой скобе и сказал:

– Спокойной ночи, ваша светлость.

6 октября

Утро началось с чашки кофе и легкого завтрака. После ночного дежурства мой мозг работал через раз, и Шарлотта, заметив, что я периодически клую носом, сказала:

– Тебе нужно отдохнуть.

– Оружейник? – спросил я.

– Будет сегодня после обеда. Думаю, часов пять у тебя есть.

Я кивнул. Потом допил кофе, добрался до кушетки в гостиной и рухнул, почти сразу же провалившись в сон.

С обедом я слишком сильно не напрягался, сварив мясной бульон с зеленью и горошком. Оружейник немного задерживался, насколько я мог видеть по часам, стоявшим в гостиной, но это было допустимо. Игрок вызывает Оружейника, Хранитель с ним говорит. Пока было время, я подготовил список всего, что мне могло бы понадобиться. Внезапно возникшую мысль, что еще рановато для обращения за помощью, я тут же отогнал. Следы возле ограды и что-то, что летало в тумане, наводили меня на определенные размышления. Пока Игроки не набрались сил, они рассчитывали лишь на своих Хранителей, но здесь все зависело от опыта последних. И хотя возможно, что никто не стал бы обращаться к Оружейнику раньше пятнадцатого октября, я решил, что начну первым. В конце концов, это от меня зави-

село, доживет ли Шарлотта до той самой ночи, когда состоится Игра.

Когда часы пробили половину четвертого, а за окном застучал мелкий дождик, к нашему дому подъехал серебристый Кадиллак «Эскалада», прошуршав большими колесами по мокрому гравию возле калитки. Из него вышел невысокий сухопарый пожилой мужчина в твидовом пальто и шляпе. Он осмотрелся, заметил, что я вышел на крыльцо и, отворив калитку, которую я оставил незапертой, направился к дому.

Опасаться было нечего. Какими бы негодьями не были остальные Игроки, ни один из них не станет нападать во время приезда Оружейника. Это являлось нерушимым правилом, так что я, фактически, выиграл нам еще одни сутки.

– Добрый день, – старик вежливо приподнял шляпу. – Что-то вы рановато, мистер Алекс. Обычно меня вызывают гораздо позже.

– Обстоятельства вынудили.

– Но, как вам известно, больше я не приеду.

– Да, я знаю.

Старик чуть улыбнулся и кивнул.

– Хорошо. Тогда приступим.

Мы прошли через коридор на кухню. Шарлотта ушла наверх, она не любила эти скучные для нее разговоры мужчин о средствах убийства других существ. Будь то люди или же вовсе таковыми не являющиеся. Усевшись за столом, я уго-

стил Оружейника крепким кофе с сахаром. И положил перед ним густо исписанный от руки листок. Он взял его, выудил из кармана пальто очки, и углубился в чтение. Правда, почти сразу же на его лице возникло изумление.

– Вы в этом уверены? – спросил он, сняв очки, и внимательно посмотрел на меня.

– Полностью.

– Вы собрались воевать с целой армией оборотней и вампиров? – на губах Оружейника мелькнула улыбка.

Я усмехнулся в ответ.

– Позвольте, я вам кое-что покажу.

Его брови поднялись.

– А это так важно?

– Ваши сомнения уйдут сразу.

– Хорошо.

Мы вышли обратно во двор. Прошли за ограду, где я подвел его к тому самому следу, что обнаружил вчера. Старик смотрел недолго. Да, отпечаток немного размылся из-за нового дождя, но все-таки выглядел вполне четким. Я посмотрел на него и сказал:

– Точно такие же вдоль всей ограды. И еще я заметил вчера что-то, что очень быстро летает. Почти как летучая мышь.

Оружейник прищурился.

– Нетопырь?

– Возможно.

– А ваш Игрок? Она не может определить точнее?

Я покачал головой.

– Нет. Она еще слаба. Думаю, она сможет полноценно заниматься магией дней через пять-семь. Поэтому мне и нужно все, что в списке.

– Сказать по правде, мистер Алекс, у вас самый большой заказ из всех, что я помню. А я помню почти все Игры за последние семьсот лет.

– Говорят, эта будет необычной.

Лицо Оружейника вдруг побледнело. Он понял, о чем я

– Неужели, Бастион волшебника?

– Я слышал, что да.

Старик удрученно покачал головой.

– Вот же черт, – буркнул он. – Если это правда, это будет та еще свистопляска...

– Поэтому я вас и вызвал.

– Да, я понял.

Мы вернулись обратно в дом.

Старик еще раз пробежал глазами мой список, потом сложил листок и сунул во внутренний карман пальто. Затем плавным движением достал другую бумагу, с печатью в виде скрещенных сабель. И положил передо мной. Мгновением позже он протянул мне ручку.

– Распишитесь.

Я поставил свою подпись.

– Когда доставить? – спросил он.

– Завтра, – сказал я.

Брови Оружейника снова поднялись.

– Это будет не так-то просто, но вы получите все желаемое, – кивнул он и протянул мне руку. – Желаю удачи, мистер Алекс. Игроки не вечны. Вечна лишь Игра.

Я пожал его крепкую сухую ладонь.

– Хранители тоже.

– Да, но от них, порой, зависит гораздо больше, чем они думают, – глубокомысленно сказал он, приподнял шляпу и добавил: – До свиданья, мистер Алекс.

И покинул наш дом.

7 октября

На следующий день Шарлотта сказала, что мы идем в лес. Это было как раз, после того, как мы позавтракали жареной картошкой с грибами, и я собирался ждать посылку от Оружейника. Я смотрел на ее слегка улыбающееся лицо и думал, что лучше промолчать, потому, что все хорошие слова у меня уже закончились. Но она была Игроком, а, значит, имела большие преимущества. Я все чаще приходил к мысли, что в правилах пора что-то менять. Какого черта? Ты делаешь свою работу, настроен на нее, а тут приходит твой босс, и говорит, что нам предстоит прогулка в лес. Если бы правила Игры разрешали Хранителям, хоть чуточку более свободный график, мы бы уже победили все чертово зло на свете. А так, нет. Раз Игрок сказал, извольте изворачиваться, как вам угодно, но выполнить ее пожелание, ведь она решила, что пора найти место, где состоится Игра. И в ее видениях, опять же не знаю, почему, это был лес. Тот самый, что окружал наши дома с северо-востока. Большая лесная чаща, за которой я иногда наблюдал, таила в себе определенную опасность. В лесу легко спрятаться. И легко оказаться в ловушке. Тем более, когда я не готов к защите Игрока, потому что все необходимое мне еще не привезли, а Рыжий Крыс и еще некто, способный летать, как чертов нетопырь, могут шататься поблизости.

И, самое главное, вишенка на торте, Шарлотта захотела тащиться в лес ближе к полуночи.

– Ваша светлость, – попробовал возразить я, – не уверен, что вы все хорошо обдумали. Идти туда ночью, это очень опасно.

– Тебе привезут твои игрушки еще до наступления вечера, – парировала Шарлотта, глядя на меня своим легендарным немигающим, как у рыбы взглядом истинной хозяйки положения. – И ты будешь готов.

Я покачал головой.

– Это охренеть, как вдохновляет, ваша светлость. Вам напомнить, что следы, которые я обнаружил вчера, скорее всего, могут оказаться у нашего дома уже сегодня ночью? И, кроме того, я понятия не имею, какая хрень летала в тумане, пока мы с Волком ожидали завершения ваших с Эстеллой гаданий. А, если вдруг, по какой-то причине, эта штука окажется не банальным нетопырем, а чем-то еще? Чем-то, столкновения, с которым я не учел?

Шарлотта нахмурилась.

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю остудить ваш пыл. Это, во-первых. Во-вторых, дать мне возможность сперва проверить этот лес. Прежде чем, вы решите отправиться туда на экскурсию.

– У нас мало времени, – она покачала головой.

– Сегодня только седьмое число. По-моему, времени у вас полно.

– Нет. По гаданию выходило, что сегодня нужная фаза луны. И Эстелла считает так же. Надо идти сегодня, ближе к полуночи.

А, гадание. Конечно, как же я, дурак, не подумал. Они погадали и решили, что этой ночью можно спокойно погулять под луной среди деревьев. Разумеется. Вот, главное, еще вернуться обратно, тем более после полуночи, когда Рыжий Крыс гуляет по округе совсем не в человеческом обличье. И когда некто, пока мне неизвестный, летает словно нетопырь. Просто замечательно. Другого времени для научной экспедиции по поиску места Игры невозможно себе представить. Великолепно, черт побери...

– Это плохая идея, – сказал я, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности, хотя, знал, что в сущности, это бесполезно: раз Шарлотта настроена идти сегодня ночью, так оно и будет.

– Я не спрашиваю твоего разрешения, – ответила она, чуть повысив голос, будто отчитывала нерадивого школьника. – Я говорю, чтобы ты был готов.

Несколько мгновений я смотрел на нее. Отговаривать ее смысла не было, значит, нужно было предложить альтернативу.

– Хорошо, – кивнул я. – Тогда почему бы вам, ваша светлость, не взять с собой на эту прогулку кого-нибудь еще? Другого Игрока, с его Хранителем. Ту же Эстеллу, например.

На лице Шарлотты сперва отразилось недоумение, кото-

рое быстро перерастало в новую идею. Она все очень хорошо схватывала, особенно, если дело касалось правил Игры. А правила не запрещали искать место, где Игра состоится, и воспользоваться услугами или помощью другого Игрока, тем более, если им предстояло стоять на одной стороне.

— А это, между прочим, хорошая мысль, — согласилась она и поспешила наверх, к своему камню.

Перед обедом, я, как обычно, поднялся наверх, чтобы позвать Шарлотту, но, приоткрыв дверь, увидел, как она сидит перед столом, словно буддистский монах в состоянии медитации. При моем появлении, камень опять засиял, но Шарлотта даже не шелохнулась. Казалось, она отстранилась от всего внешнего мира, сосредоточившись на чем-то, что было далеко за пределами реальности. Я понял, что ей лучше не мешать и спустился вниз. Но пообедать, тоже не получилось. У нашего дома остановился большой фургон. Заказ от Оружейника доставили, как он и говорил. Я стоял у окна и смотрел, как трое здоровенных грузчиков таскают ящики к крыльцу. На то, чтобы разгрузиться, у них ушло почти полчаса. И, в итоге, возле нашего крыльца вырос целый штабель из ящиков. Потом они уехали.

Я дождался, пока фургон скроется за поворотом, затем открыл дверь и вышел. Быстро осмотрелся, чтобы убедиться в отсутствии внимания соседей. Конечно, в случае чего, я всегда мог соврать, что привозили покупки, но знаете, чаще всего любопытство обывателей победить невозможно. Затем

я стал затаскивать ящики в дом. По одному. Когда я уже заканчивал с этим, то заметил, как сверху, по лестнице спускается Шарлотта.

– Эстелла, Клодия и Мадлен пойдут с нами, – коротко сообщила она.

Я кивнул. Ну, это хоть что-то. Три Игрока и три Хранителя. Не то, чтобы это уже целая армия, но, если что пойдет не так, отобьемся.

Мы пообедали разогретой курицей с гарниром. Шарлотта все время молчала, погруженная в свои размышления, а я ни о чем не спрашивал.

Под вечер, когда уже начало темнеть, я стал готовиться. Вскрыл один из ящиков, поразившись, как все там аккуратно упаковано. Пачки с блестящими патронами, которые я заказывал, были уложены в три ряда. Чистейшее палестинское серебро, со Святой земли. Да, обычно, все кто слышал об оборотнях, знают, что их можно прикончить с помощью серебряной пули. Однако в этом деле есть нюансы. Простое серебро годится для так называемых «обращенных», тех, кого укусил оборотень, и тут вы правы. Но есть те, кто был не укушен, а уже родился оборотнем. И вот тут-то вы обычным серебром не отделаетесь. Даже если окропите все серебро святой водой и сотворите над ним какие-нибудь молитвы. Рожденный оборотнем боится лишь одного: чистого серебра со Святой земли, но достать его, просто обратившись к ювелирам, не выйдет.

Во втором ящике лежали такие же патроны, но уже изготовленные из полупрозрачного томпака, внутри которого была едва заметна плескавшаяся жидкость. Чесночная эссенция. Это самое лучшее оружие против всяких там нетопырей и прочих любителей пососать свежую кровушку из тел живых и дышащих. Я не был уверен в том, что видел летучую мышь недавним вечером, но однозначно решил подготовиться ко всему. Остальные ящики я пока открывать не стал. Хватит и того, что есть.

Пока я снаряжал магазины к штурмовой винтовке и пистолету, Шарлотта переоделась в черные джинсы и водолазку, накинув поверх непромокаемый брезентовый плащ. Она подошла ко мне, и некоторое время наблюдала, как мои пальцы быстро и сноровисто загоняют патроны в положенное им место. Шесть магазинов к винтовке. И пять к кольту. Плюс, фосфорные гранаты и моя собственная храбрость. Теперь я был готов ко всему. Пристегнув антабку винтовки к тактическому ремню, я скрыл оружие, надев свое длинное пальто, а пистолет сунул в кобуру на бедре. Часы в гостиную пробили без пяти восемь вечера, когда мы вышли из дома.

Мы встретились возле не стриженного кустарника у дома Эстеллы. За холмом, почти в километре от нас, начиналась темная лесополоса. Эстелла и Мадлен, одетые во все черное, почти сливались с темнотой. Клодия, чьи серо-зеленые глаза и широкие скулы, которые почти всегда наводили меня на мысли о скифах, надела зеленую куртку. На мой немой во-

прос, адресованный ее Хранителю, Бурбону, хмурому мужчине лет сорока, последовало лишь его пожимание плечами. Дескать, она сама так решила, что тут поделать.

Мы направились мимо домов, вдоль оград, заросших бокажем. Уличные фонари тускло освещали окружающее пространство, снова начал сгущаться туман. В воздухе ощущался явный избыток влаги. Возле одного из домов мы заметили старушку, стоявшую на крыльце и громко повторявшую:

– Minou, minou, minou! OÙ es-tu?⁴

Она увидела нас, и проводила любопытным взглядом до самого поворота дороги. Волк, шагавший следом за мной, обернулся и недовольно пробурчал:

– Кажется, нас заметили.

– Еще бы не заметить. Такой толпой топаем, – отозвался Ночной Призрак.

– А чего она там делала? – спросила Мадлен, и я вдруг заметил у нее в руке фляжку. Вот же черт, она пьет, что ли?

– Кошку свою звала, – сказала Клодия и усмехнулась. – Неужели непонятно?

Мадлен развела руками.

– Ну, извини, подруга, я по-французски ни хрена не понимаю.

– Зато завтра соседям будет что обсудить, – добавила Клодия.

– Ну, да, особенно, твою зеленую куртку. Ее видно, на-

⁴ Кис, кис, кис! Где же ты? (фран.)

верное, из самого Парижа, – фыркнула Мадлен.

Клодия покосилась на нее. И тотчас проворчала:

– Выпивку свою не разлей.

– Ты там что-то сказала, малявка крашенная? – услышался ответ Мадлен.

Я шел позади них, рядом с Волком и только слушал. Нет, не то, чтобы я был против женских разногласий, они всегда такие странные, и могут возникнуть на абсолютно пустом месте, но теперь вы понимаете, почему среди Игроков никогда не знаешь, кто окажется с тобой, а кто против тебя. Настрой и желания любого из них запросто могут поменяться чуть ли не за один вечер.

Шарлотта, шедшая первой, остановилась и, резко обернувшись, посмотрела на обеих, словно удав на жертву. И Мадлен и Клодия тут же притихли. Некоторое время мы шли молча, и впереди уже ясно были различимы деревья, как вдруг Волк неожиданно сказал:

– Но нас точно заметили.

– И что с того? – весело ответил Ночной Призрак. – Это же Франция, бро. Скажем, что ходили делать менаж-а-труа.

– Чего? Чего? – нахмурился Волк, явно не знавший, что это такое.

– Групповуха, бро, – засмеялся Хранитель Мадлен. – Отстал ты от жизни.

Эстелла хихикнула, остальные промолчали.

Мы вошли в лес, когда тучи немного разошлись, показав

огрызкок луны. Туман стал не таким густым, оседая влагой на листве и ветках деревьев. Было темно. Шарлотта шла впереди, и я старался не упускать ее из вида, одновременно, еще и следя за тылом. Я не ощущал тревоги. Но я привык верить не только своим ощущениям, но и глазам, поэтому продолжал смотреть в темноту, удерживая палец на спусковой скобе винтовки. Волк вытащил свой дробовик, оглянулся и пожегся.

– Не нравится мне тут, – шепнул он мне. – Ни черта не нравится.

Эстелла, шедшая чуть впереди, щелкнула пальцами. И возле нас внезапно загорелся маленький болотный огонек. Он разгорался, постепенно, словно факел, и начал освещать нам путь. Тени между деревьями удлинились, луна, мелькнув в разрыве туч, снова скрылась в них. Мы обогнули несколько завалов, нагромождения старых сосен, растопыривших повсюду свои ветки, и пошли на восток. Под ногами шуршала мокрая листва. Огонек дорос до вполне себе приличных размеров шара, устремив лучи света вперед, во мрак леса. Как это просто у них получается. Щелкнул пальцами, вот тебе и освещение. Мне бы так научиться.

Левее показалось небольшое болотце. В лесной чаще оно выглядело как сгусток травяных кустов, насаженных на кочки. Мне вдруг внезапно показалось, что за нами наблюдают. Мы дошли до поляны, окаймленной густыми соснами, почти рядом с болотом, и я обернулся. Не могу сказать, что мои

инстинкты то-то обнаружили, но затылок охватили ледяные иглы. Вот чувствуешь, что на тебя кто-то смотрит, но не видишь, кто же это. А потом все пошло кувырком.

Весь мир перед глазами внезапно заволокло красным.

Я тряхнул головой, пытаюсь прогнать это наваждение, ведь ясно помнил, что мы идем по ночному лесу, и здесь не может быть никакого красного света. Но оно не проходило. Я услышал странные бормотания, где-то слева от себя, развернулся, вскидывая винтовку, и понял, что смотрю на монстров, жутких, уродливых, с бугристой жабьей кожей, вспученными губами и морщинистым лбом, которые что-то кричали, прыгая вокруг меня. Я оглянулся. Не может быть. Я стоял почти в самом центре поляны, среди корней, поднимавшихся из земли. Что за чертовщина тут происходит? Я сошел с ума? Или это какие-то галлюцинации? Монстры продолжали прыгать и кричать. Но я не обращал на них никакого внимания. Я ощутил, как земля у меня под ногами дрогнула, вздымаясь комьями грязи, перемешанными с мокрой листвой и опавшими ветками. Я едва устоял на ногах, пытаюсь сохранить равновесие. Это было похоже на попытки человека удержаться при землетрясении.

Из кучи грязи вырвалось что-то отдаленно похожее на демоническую фигуру. Большие рога и крылья за спиной заслонили собой красноватое свечение неба. Когтистые лапы, словно бы стекающие в ночь, потянулись ко мне, и я чуть непроизвольно не выстрелил, хотя и не был уверен, что се-

ребро, заряженное в мое оружие, сможет совладать с такой громадиной. В мозгу пульсировала только одна мысль: Шарлотта. Я не видел, где она, но если эта хреновина до нее доберется...

Я должен ЭТО убить. Изрешетить, как бог черепаху. Но что-то меня сдерживало, не знаю, что, хотя монстры вокруг все так же прыгали и кричали.

– Да твою мать! – услышал я. – Заберите у него ствол! Заберите!

Во мне возникло какое-то злорадство. Ага, сволочи, понимаете человеческий язык. Ну, сейчас вам тут всем кранты. Я прицелился в ближайшего монстра, почувствовав, как кто-то справа вцепился мне в руку. Без колебаний, я провернулся на каблуках, выбросив вперед приклад. Он врезался монстру в лицо, выбросив вверх небольшой фонтанчик крови, и тварь резко села на задницу. Кто-то обхватил меня сзади за плечи, и я перебросил противника через себя, швырнув его носом в мокрую листву. Я бы немедленно добил бы этого гаденыша с жабьей мордой, как вдруг ощутил чьи-то мягкие ладони на своем лице. Возникло ощущение, будто меня обдал легкий летний бриз, принося долгожданную прохладу после засушливого дня. Сквозь красное марево я увидел проступившие черты Шарлотты. И в ушах громко зазвучал ее голос:

– Алекс! Смотри на меня! Смотри на меня, слышишь? Это все нереально! Алекс, это нереально!

Красное морево стало постепенно растворяться, уступая место темным краскам ночного леса. Где-то справа вверху, все еще горел болотный огонек, ставший шаром, освещая темные силуэты деревьев. Я почувствовал, как у меня подкосились ноги, и присел, привалившись спиной к дереву. Дыхание с тяжким хрипом вырывалось из моей груди.

– Идиот чертов! – раздался слева гневный голос Ночного Призрака. – Ты нас всех чуть не уколошил!

Я огляделся. Справа от меня сидел на коленях Бурбон, с разбитым носом. Волк, оказавшийся лежащим лицом в листе, негромко стонал, похоже, я умудрился не только перекинуть его через себя, но еще и хорошенько заехать ногой под ребра. Ночной Призрак был рядом, приставив к моей голове пистолет.

– Видел бы ты себя, бро, – угрюмо сказал он. – Прямо как чокнутый, я думал, все, придется тебя пристрелить.

– Похоже, у него было видение, – заметила Клодия, вытирая платком нос своему Хранителю.

– Оно самое, – кивнула Эстелла.

– Но это невозможно, – с недоверчивым видом покачала головой Мадлен. – Хранителям такие вещи недоступны.

Я смотрел на них. Я ничего не понимал. Но картинки виденного мною всего мгновение назад, все еще пульсировали в мозгу, вызывая чувство омерзения и тошноту. Теперь я понял, что ощущают Игроки. Если это то, что они видят постоянно, то увольте, я на такое не подписывался. Никогда

не понимал, как они могут терпеть такое и не свихнуться.

Шарлотта сидела рядом со мной, заботливо поглаживая ладонями по моему лицу, словно старалась отогнать от меня кошмар, для меня не предназначенный. Я посмотрел на стоящего Волка, потом на Бурбона и еле слышно выдавил:

– Простите...

– Ну, ты и здоров, чертяка, – усмехнулся Ночной Призрак, убирая от моей головы оружие. – Двух Хранителей раскидал, как щенков. Да и мне чуть не засветил.

– И нас едва не убил, – обиженным голосом сказала Мадлен.

– Простите, – повторил я.

– Да чего уж там, – махнула рукой Мадлен. – Когда видение твое первое, бывает и не такое.

Эстелла посмотрела на нее и нахмурилась.

– Но это, ни черта невозможно. Он Хранитель. Откуда у него такая сила?

Клодия посмотрела на нее.

– Может быть, изменились правила?

Глаза Эстеллы скользнули по лицу Клодии без всякого выражения, будто она смотрела на китайского болванчика.

– С чего бы? – спросила она и взглянула на Мадлен. – Правила никогда не менялись за последние века.

– Никто из нас не был на Бастионе волшебника, – возразила Мадлен, разводя руками.

– И, возможно, там что-то будет по-другому.

– С какого черта? Никто никогда не видел эту Игру, что все зовут Бастионом волшебника. Я не помню ни одного живого свидетеля.

– А Седрик?

– Что Седрик?

– Он самый старый из Хранителей, может, он что-то знает?

– Ты хочешь пойти и спросить об этом у Бриджит? Ты это серьезно, что ли?

Они начали спорить. Шарлотта в споре не участвовала, она наклонилась ко мне и негромко спросила:

– Что ты видел?

Я поморщился. Память уже немного сгладила увиденное, но воспоминания об этом вряд ли теперь когда-нибудь покинут мою несчастную голову.

– Существо, – сказал я. – Как демон. Рога, крылья. Оно стояло там.

– Где? – насторожилась Шарлотта.

Я указал рукой на поляну.

– Вот там.

Шарлотта резко поднялась на ноги.

Ее глаза ощупали тускло освещенные шаром Эстеллы кустарники, заросшие возле деревьев, окружавших поляну. На лице Шарлотты промелькнула догадка, отразившаяся в легкой улыбке. Она повернулась к остальным и сказала:

– Это знак.

Остальные замолчали. Все стали поворачиваться к ней, глядя на Шарлотту с явным недоумением.

– Какой знак? – спросила Эстелла.

– Игра будет здесь, – уверенным голосом ответила Шарлотта. – На этой поляне.

– С чего ты взяла? – недоверчиво пробурчала Клодия.

– Думаю, ему показали это место, – кивком головы Шарлотта указала на меня. – Не знаю, как. Не знаю, почему. Но это увидел именно Хранитель.

Эстелла несколько мгновений смотрела на меня. Потом покачала головой.

– Да, ну, на хрен, – с раздражением сказала она. – Он всего лишь Хранитель. Не Игрок. С чего бы ему видеть место Игры?

– Я же сказала, я не знаю, – Шарлотта пожала плечами. – Но это точно произойдет здесь.

Наступило неловкое молчание. Я смотрел на них и ощущал себя не в своей тарелке. Здесь собрались четыре Игрока, которые почти наверняка решили играть на одной стороне. И ни один из них, обладая опытом, пусть и разным, но все же опытом, не увидел место, где состоится Бастион волшебника. И тут я, вот он, прям с неба свалился, хоть и не имею никакого отношения к магии. Но увидел, похоже, это место лишь я. Вопрос: почему? И для чего? Я всегда был только Хранителем, на протяжении трех с лишним веков. И ни разу ничего подобного не происходило. Почему теперь?

Молчание нарушил Ночной Призрак.

– Дамы и господа, – сказал он. – Позвольте высказать предложение. Уже далеко за полночь. Может, мы уже уберемся отсюда к чертям собачьим, пока местные не вызвали полицию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.